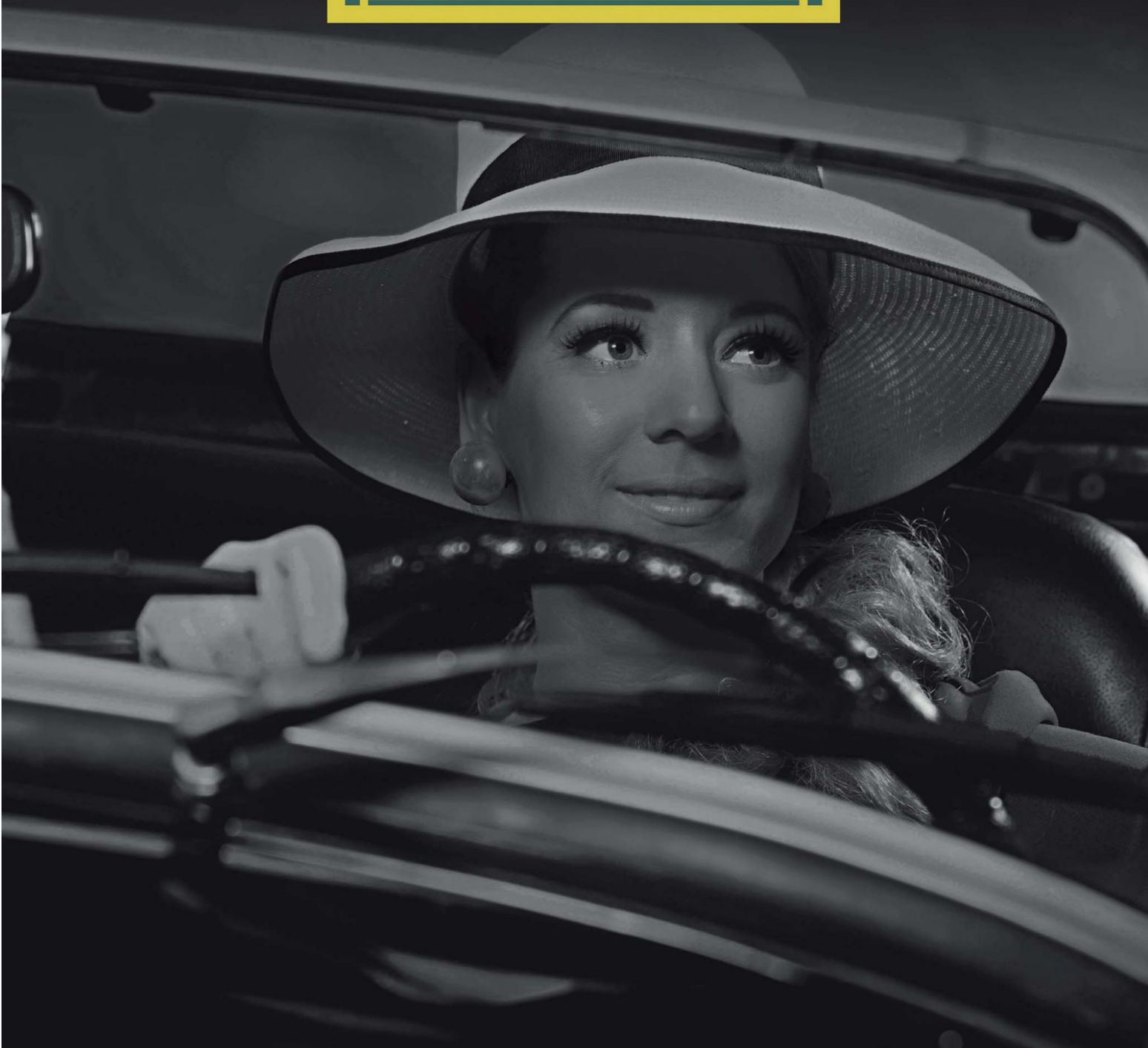

Джеймс Хэдли
Чейз

ФОКУСНИЦА

Джеймс Чейз

Фокусница

«Азбука-Аттикус»

1944

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Чейз Д. Х.

Фокусница / Д. Х. Чейз — «Азбука-Аттикус», 1944

ISBN 978-5-389-17245-6

Рене Реймонд, известный всему миру под псевдонимом Джеймс Хэдли Чейз, вышел из семьи отставного британского офицера, и отец прочил Рене карьеру ученого. Но в 18 лет будущий писатель оставил учебу и навсегда покинул родительский дом. Испробовал немало профессий, прежде чем стал агентом по распространению книг и основательно изучил книжный бизнес изнутри. Впоследствии Чейз вспоминал: «...Пришлось постучать не менее чем в сто тысяч дверей, и за каждой из них мог встретить любого из персонажей своих будущих романов...» В течение почти полувековой писательской деятельности Чейз создал порядка девяноста романов, которые пользовались неизменным успехом у читателей разных стран, и около пятидесяти из них были экранизированы. «Фокусница» полна приключений и искрометного юмора, которого не ждешь от классика «крутого детектива».

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-17245-6

© Чейз Д. Х., 1944
© Азбука-Аттикус, 1944

Содержание

Часть первая	6
Глава первая	6
Глава вторая	10
Глава третья	18
Глава четвертая	24
Глава пятая	32
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Джеймс Хэдли Чейз

Фокусница

James Hadley Chase
MISS SHUMWAY WAVES A WAND
Copyright © Hervey Raymond, 1944
All rights reserved

Серия «Звезды классического детектива»

Перевод с английского Наталии Роговской, Андрея Степанова
Серийное оформление и оформление обложки Валерия Гореликова

© Н. Ф. Роговская, перевод, 2019

© А. Д. Степанов, перевод, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2019

Издательство АЗБУКА®

* * *

Часть первая

Глава первая

Только я расположился за столиком в баре «Маноло», как туда влетел Пол Джуден, директор местного офиса Центрального агентства новостей. Принесла нелегкая, подумал я и пригнулся. Но не тут-то было: он ринулся ко мне, как стадо буйволов к родному коралю.

– Привет, Пи-Джей! – притворно обрадовался я. – Как жизнь? Садись, дай отдых извилинам. На тебя посмотришь – сразу тянет выпить, в смысле повторить.

– Шутки в сторону, Миллан. – Джуден помахал официанту. – Где ты пропадал? У меня для тебя есть кое-что.

Само собой. Когда шеф ЦАНа врывается в бар с таким лицом, будто проглотил ежа, глупо предполагать, что он соскучился по моей приятной компании: просто ему нужно запречь меня, причем срочно.

– Ах, у тебя для меня есть кое-что? – язвительно повторил я. – Так обычно говорят собаке. Прежде чем дать ей отравы.

Подошел официант, и Джуден заказал два больших виски-сауэра¹.

– Слушай, Пи-Джей, – сказал я, – мне нужна передышка. Я полгода таскался по мексиканской пустыне, каждый день рискуя стать добычей стервятников. Во мне кактусовых колючек больше, чем игл у дикобраза! До сих пор не могу спокойно высморкаться – песок из ушей летит. Ладно, я не собираюсь бить на жалость, но мне нужен небольшой отпуск, и я возьму отпуск, нравится тебе это или нет!

Джуден и не думал меня слушать. Он достал бумажник и пошуршал пачкой телеграмм.

– Мэддокс имеет на тебя виды, Миллан, – сказал он. – Сегодня утром от него пришла телеграмма, и слов в ней не меньше, чем в «Унесенных ветром».

– Мэддокс? – Я поудобнее устроился в кресле. – Нашел из-за кого суетиться. Твой Мэддокс – пережиток прошлого. Скажи ему, что я заболел. Скажи, что ты не смог связаться со мной. Скажи, что хочешь, только оставь меня в покое!

Официант принес наш заказ, а Джуден все мусолил свои телеграммы.

– Тебя заклинило? – поинтересовался я и одним махом опрокинул две трети стакана.

– Вот, смотри! – Джуден помахал телеграммами у меня под носом. – О таком задании можно только мечтать.

Я выхватил у него телеграммы и потряс ими под носом *у него*.

– Не хочу, понятно тебе? Мне нужен отпуск. Завтра же сяду в поезд до Нового Орлеана. Я сыт по горло этой Мексикой! Скажи Мэддоксу, пусть пришлет сюда другого ассенизатора.

– Ничего не выйдет, дело срочное. Не трать попусту время, Миллан. Ты же понимаешь, что не отвертишься, зачем все усложнять?

Он был прав, конечно. Время от времени не мешает честно спросить себя: надоела тебе вся эта газетная карусель или как? Просто я уже полгода гонялся по дикой жаре ради статеек о местных бандитах, а бандитов в этой стране как собак нерезанных. Глядя на законодателя здешней моды Сапату², всякий паршивый индеец, способный отпустить усищи на пол-лица, заделался бандитом. Я без сна и отдыха обучал их, как нужно проворачивать дела, чтобы я

¹ Виски-сауэр – коктейль на основе виски: бурбон, лимонный сок, сахар, яичный белок. – *Здесь и далее примеч. переводчика.*

² Сапата (Эмилиано Сапата Саласар, 1879–1919) – предводитель крестьянских повстанцев, вождь Мексиканской революции 1910–1917 гг.

мог состряпать удобоваримый материал для великой армии американских читателей... Но все, с меня хватит. Между прочим, один из этих доморощенных Диллинджеров³ пытался меня подстрелить. Откуда мне знать, вдруг найдется еще какой-нибудь недоумок?

Однако Мэддокс – мой хлебушек с маслом. Отшей я его – заставит грызть сухари. С Мэддоксом не поспоришь. Даже змеи, завидев его, в страхе расползаются.

– Что за сюжет? – сдался я. – Да убери ты свои телеграммы! Если пришел с дурной вестью, потрудись изложить ее по-человечески.

Джуден сосредоточился на коктейле. Вот у кого непыльная работенка. Знай себе распечатывай конверты, а отдуваются пусть другие.

– О'кей, значит, так, – начал он. – Сюжет под заголовком «Блондинка в плену у бандитов, или Путь наверх».

Я допил остатки сауэра.

– Остричь необязательно. От тебя требуется только правда, без прикрас. Когда мне придет охота посмеяться, я включу радио и послушаю Боба Хоупа⁴.

– Пару дней назад к Мэддоксу появился один тип по имени Хэмиш Шамвей. У него пропала дочь, последний раз ее видели в Мехико. Девушка исчезла, испарилась. Отец боится, что ее похитили бандиты. Мэддокс хочет, чтобы ты нашел ее.

– Ну, дальше, дальше! Чего конкретно хочет от меня Мэддокс?

– Чтобы ты нашел ее, – терпеливо повторил Джуден.

– А, понятно, шутка удалась. Когда мы с тобой снова встретимся, напомни мне посмеяться. Переходи к делу. В чем моя задача?

– Не выпендривайся, Миллан, – процедил Джуден, на глазах превращаясь в кусок охлажденной говядины. – Я тебе сказал: он хочет, чтобы ты нашел девчонку.

– То есть он хочет, чтобы я перетряхнул всю Мексику ради какой-то дурехи, которую угораздило здесь затеряться? – уточнил я, не веря своим ушам.

– Примерно так. Мне все равно, как ты это сделаешь. Найди ее.

– Тебе все равно?

– Абсолютно все равно.

– Что ж, – я задумчиво посмотрел на него, – тогда, может, сразу перережешь мне горло, зачем откладывать на потом?

– Да ты погоди, все не так плохо. Сейчас объясню, – торопливо добавил Джуден. – От твоих последних репортажей мухи дохнут на лету...

– Я должен мух пожалеть?

– Мухи ни при чем. Мэддокс готов покрыть твои расходы и самолично придумал неплохой рекламный ход. В итоге получится сенсационный материал. Тебе это на руку. Несчастный старик без гроша в кармане обращается за помощью в редакцию «Нью-Йоркского репортера». У него пропала дочь, и он хочет знать, поможет ли известная газета найти ее. Как поступит «Репортер»?

– Выбьет старикану последние зубы, а тело сбросит в лифтовую шахту, предварительно сняв с него носки, – не пропадать же добру? Пригодятся Мэддоксу на варезки, – без запинки ответил я.

– В «Нью-Йоркском репортере» ему говорят: «Ладно, папаша, найдем твою дочку», – назидательно продолжил Джуден, – и печатают его историю и фото девушки на первой полосе. Фотографию отца тоже печатают, чтобы газету не заподозрили в подтасовке. Заголовок такой: «Блондинка в плену у мексиканских бандитов. 25 000 долларов тому, кто вернет ее. Отец пропавшей девушки в отчаянии. „Нью-Йоркский репортер“ объявляет общенациональный

³ Джон Герберт Диллинджер (1903–1934) – американский преступник, грабитель банков, «враг общества номер один».

⁴ Боб Хоуп (1903–2003) – американский комик, радио- и телеведущий.

розыск». Улавливаешь? И тут ты находишь девицу, строчишь репортаж и доставляешь пропавшую в Нью-Йорк. Мэддокс устраивает торжественный прием, и ты под аплодисменты возвращаешь отцу спасенную дочь. Все прославляют благородство «Репортера». Шикарная идея.

– Понятно: Мэддокс таки спятил. – Я сокрушенно покачал головой. – Хотя лично меня это не удивляет. Как чувствовал, что рано или поздно у него шарики за ролики закатятся. Жаль миссис Мэддокс. Для нее это, наверное, большой удар. И дочку тоже. Симпатичная у него девчушка, косоглазенькая такая, прыщавенькая. Кстати, не знаешь, какая-нибудь подружка уже просветила ее насчет?..

Джуден допил коктейль и закурил сигару.

– Короче, Миллан, тебе дано задание. Можешь глумиться в свое удовольствие, но вопрос поставлен ребром. Мэддокс говорит, что, если за неделю ты ее не найдешь, останешься без места. Работай на кого хочешь – или не работай, как тебе угодно.

– Так и сказал? Змея подколотная! – Я расправил плечи. – Можешь передать ему, что я в гробу видал его газету. Он еще будет мне угрожать! Да издатели меня с руками оторвут, только свистни. И свистеть не придется. Подумаешь, Мэддокс! Его крысиная натура всем известна. Указать мне на дверь – мне! Просто смешно! Такие журналисты на дороге не валяются... А как мне искать эту девицу, если на то пошло?

– Это будет несложно, – ухмыльнулся Джуден. – У меня с собой ее фотография, она ездит на темно-зеленом «кадиллаке», по профессии фокусница, внешность – закачаешься. Зовут Мира Шамвей, и видели ее последний раз именно здесь, в Мехико.

– Слушай, Пи-Джей, – сказал я совершенно искренне, – в Нью-Йорке без конца теряются девицы, таких потерянных там, наверное, сотни. Нельзя мне поискать одну из них? Мечтаю вернуться на Бродвей.

– Извини, Миллан. Тебе решать, берешься ты или нет. Сегодня утром материал вышел на первой полосе.

– Ладно уж. – Обреченно вздохнув, я вынул свой блокнот и приготовился записывать. – Приступим. Имя – Мира Шамвей. Чем, ты сказал, она занимается?

– Фокусами, – осклабился Джуден. – Оригинально, да? Выступала в передвижном театре-варьете вместе с отцом, пока они не рассорились. Продолжила карьеру самостоятельно. Теперь, как я понимаю, работает в ночных клубах. По словам папаша, у нее большой талант.

– Я не привык доверять мнению родителей, – сухо отозвался я и, сделав еще кое-какие пометки, убрал блокнот. – С чего Мэддокс взял, что ее похитили бандиты?

Джуден пожал плечами:

– Ему нравится так думать. И ты должен держаться этой версии, Миллан. Если никакие бандиты ее не похищали, сделай так, чтобы похитили. У тебя нет на примете ручного бандита? Кого-нибудь, кто за несколько баксов провернул бы это дельце?

– То есть? – не понял я.

– Ну, как знать, может, она просто радуется жизни вдали от папочки и ей недосуг написать ему. В любом случае нельзя допустить, чтобы наша история развалилась. Если ее не похитили, устрой похищение. Я недостаточно популярно излагаю? Осталось разжевать да в рот положить!

Я нервно заерзал:

– Если бы я заподозрил, что ты говоришь серьезно, Пи-Джей, я бы посоветовал тебе сходить к врачу и проверить голову.

– У меня с головой полный порядок, – отрезал Джуден. – Чего не скажешь о твоей работе у Мэддокса, если ты не пошевелишься.

– Значит, если девчонка просто-напросто хорошо проводит время, я должен нанять какого-нибудь подонка и похитить ее?

– Вот-вот. Это будет несложно. Расходы мы берем на себя.

– Надо думать! И еще кое-что – пришлите мне письменное распоряжение. Если меня повяжут, дело пахнет соучастием в похищении.

– Письменного распоряжения ты не получишь, но можешь получить двадцать пять тысяч долларов.

– По-твоему, у меня есть шанс потребовать вознаграждение? – спросил я, впервые проявив неподдельный интерес к разговору.

– Если выберешь нужный момент, – сказал Джуден, прищурился. – Мэддокс, само собой, этого не ожидает, но, если ты на приеме публично припрешь его к стенке, он не сможет отвертеться.

Смотри-ка, всегда считал Джудена двуличным прохвостом, а он, оказывается, свой парень.

– Запомним, – кивнул я. – Еще по коктейлю?

Он помотал головой:

– Спешу домой. Вечером жена ведет детей в гости, а няня остается на моем попечении.

Я рассмеялся. Что мне стоит сделать вид, будто я оценил его юмор? А человеку приятно.

– Ладно, я займусь Мирой Шамвей. Что за имя! И покажи мне ее фото, забыл?

Он открыл портфель и бросил на стол фотокарточку.

– Если бы у этой девчонки в спальне случился пожар, представляешь, что бы было? Сперва пожарник пять часов боролся бы с огнем, а после пять крепких парней боролись бы с пожарником, потому что кто ж уйдет от такой по доброй воле?

Я взял со стола снимок. Когда я смог перевести дух, Джуден уже смылся.

Глава вторая

Прежде чем двинуться дальше, хочу рассказать вам, как Мира Шамвей познакомилась с доком Анселлом и Сэмом Боглом, а поскольку сам я при этом не присутствовал, изложу все так, как мне потом рассказывали.

Док Анселл и Богл сидели в кафе «Лоренсилло». Не бывали там? Уютное заведение, надежно скрытое от посторонних глаз толстенными каменными стенами. Внутренний дворик-патио представляет собой прекрасный образец мексиканской постройки при старом режиме – так написано в моем путеводителе. Вам это ни о чем не говорит? Мне тоже. Ну и ладно.

В центре патио – высеченный из камня фонтан, вокруг которого расставлены чугунные столы и скамейки. Над головой у посетителей тенистый зеленый полог из ветвей старых раскидистых кипарисов и листьев банана. В общем, приятное местечко. Прибавьте к этому еще множество деревянных клеток с разноцветными попугайчиками – все наперебой трещат и свистят. Если вы недавний гость в этой стране, наверняка придете в восторг от типично мексиканской атмосферы.

Так вот, эти двое, док Анселл и Богл, сидели за столом, потягивая теплое пиво. И вдруг Богл заметил, как из невзрачной толпы уличных торговцев-индейцев вынырнула яркая блондинка. Мелькнула и исчезла.

– Сэм! – призвал его к порядку док Анселл. – Сколько раз тебе повторять: женщины – это яд!

– Неужто мираж? – Богл в волнении привстал и вперил взгляд в скрытую полумраком людскую массу. – Я видел или мне показалось?

Док Анселл положил нож и вилку. Он был маленький, высохший, с копной торчащих во все стороны седых волос.

– Не позволяй гормонам играть тобой, – предостерег он Богла. – Всему свое время и место.

– Опять он заладил про время и место. Где я возьму время? И когда мы пробудем в одном месте столько, чтобы я хоть что-то успел? – огрызнулся Богл и снова сел.

– Все твои беды... – начал Анселл, но Богл протестующе поднял руку.

– Не начинай, – сказал он, отодвигая тарелку, как будто еда ему опротивела. – Сам знаю. Мне уже мерещится, вот до чего я дошел! Долго нам еще торчать в этой поганой стране? Надоело. Давай прыгнем в поезд и свалим отсюда к чертовой бабушке, а? Может, махнем в Чикаго?

– Тебе пока рано возвращаться домой, – мягко напомнил ему Анселл.

Богл насупился. Это был здоровенный бугай. Видавший виды саржевый костюм сидел на нем кое-как. Во времена сухого закона Богл был заурядным гангстером, отирался возле Малыша Берни. После перебрался в Чикаго и попробовал заняться грабежами, но ума не хватило поставить дело так, чтобы самому не быть внакладе. Однажды ночью он сдуру затеял перестрелку с полицией и, уложив двоих, ударился в бег. Бежал, пока не оказался в Мексике. Там Богл почувствовал себя в относительной безопасности. Последние полгода работал помощником у доктора Анселла – они продавали индейцам майя всякие чудотворные снадобья.

Странная это была парочка, словно из разных миров. Богл мечтал о плотских радостях. После Чикаго Мексика казалась ему невыносимо скучной. Он терпеть не мог здешнюю еду, пыль и зной. Местные женщины приводили его в ужас, а малочисленные англичанки и американки были, что называется, не его поля ягоды, с какой стороны ни посмотри. Что за страна, здесь даже виски приличного днем с огнем не достать! Короче говоря, Мексику он ненавидел почти так же, как полицию.

Зато Анселл в любой стране чувствовал себя превосходно. Ему совершенно все равно было, где жить, лишь бы кругом хватало легковерных аборигенов, готовых покупать его снадобья.

Раньше, пока Богл не стал его партнером, у Анселла то и дело возникали трения с пациентами. Порой он даже опасался вновь появиться в каком-нибудь городке. Но теперь, под защитой Богла, он без трепета встречал разгневанных клиентов и навещался в трущобные кварталы. Не зря Малыш Берни считал Богла отличным телохранителем.

Одного взгляда на его увесистые кулаки и маленькие колючие глазки бывало достаточно, чтобы остудить горячие головы. Анселл и Богл прекрасно дополняли друг друга. Целых полгода они кочевали с места на место: с утра разливали подкрашенную воду по таинственным зеленым пузырькам, а днем сбывали их простофилям, которые, развесив уши, слушали байки про волшебный эликсир.

Анселл был мозгом их маленького концерна, а Богл – мускулатурой. В обязанности Богла входило установить палатку и помост, аккуратно расставить ряд за рядом зеленые пузырьки и бить в барабан, созывая народ. К слову, идея бить в барабан целиком принадлежала Боглу и кое-где приносила неплохие дивиденды.

На этапе приготовлений Анселл сидел в палатке и покуривал старенькую трубку, пока сиплый шепот Богла («Сбежались, олухи!») не поднимал его на ноги. Он стремительно выходил из палатки – весь порыв и воля, глаза горят фанатичным огнем – и волшебными речами завораживал доверчивую публику.

Богл демонстрировал зрителям рельефные мускулы, которыми обзавелся исключительно благодаря таблеткам «Силач» доктора Анселла. Потом в толпу по рукам пускали фотографию страшной костлявой женщины, а следом, для сравнения, фотографию той же самой женщины с такими формами, что у местного люда глаза из орбит выскакивали. Секрет чудесного преображения открывался просто: «Дрожжи для бюста» доктора Анселла – двадцать пять пилюль в упаковке за два доллара пятьдесят центов.

Ужинать Анселл и Богл предпочитали в кафе «Лоренсилло». Американцы туда почти не заглядывали, и можно было тихо-мирно посидеть вечером, отдохнуть от гвалта и сутолоки большого города.

Богл поболтал в стакане остатки пива.

– Копы уже забыли про меня, – насупившись, сказал он. – Почти год прошел. Куча времени. И вообще, видел бы ты этих двоих. Государство должно мне спасибо сказать.

– Постарайся рассуждать здраво, – призвал его Анселл. – На что, по-твоему, мы будем жить? Кому в Чикаго нужны мои мачо-пилюльки?

Богл уже не слушал его. Его глаза вмиг превратились в бильярдные шары – он пожирал взглядом золотистую блондинку. Девушка вышла из закрытого кафе на веранду и остановилась возле ступенек, оглядывая заполненное людьми патио.

– Будь я проклят! – простонал Богл, уцепившись за край стола. – Ты только посмотри!

– Согласен, тут есть на что посмотреть, – обреченно вздохнув, признал Анселл. – Только имей в виду: сперва тебя погладят по головке, а потом сорвут скальп. Опомнись, ты ей не ровня.

Богл не обращал на него ни малейшего внимания.

– Нет, ей-богу! Она одна, док! Сходи за ней, пока нас не опередили.

Анселл с сомнением разглядывал незнакомку. Очень стройная, тоненькая. Но, судя по выражению лица, девушка с характером. Большие глаза, крупный рот, точеный носик... Носик просто шедевр, отметил про себя Анселл. Ее светлые шелковистые волосы спадали на плечи и в резком свете карбидных ламп сияли, как начищенная медь. На ней был дорогой, отлично сшитый белый костюм поверх темно-красной блузки.

– Давай, док, иди, – хрипло шипел ему на ухо Богл. – Ты когда-нибудь видел такую фигуру? Как с рекламы аттракционов на Кони-Айленд!

Два прилично одетых испанца за соседним столиком тоже проявляли интерес к девушке. Едва приметив ее, они начали перешептываться, и теперь один решительно встал из-за стола.

Но Богл был начеку.

– Не нарывайся, приятель, – резко повернувшись к сопернику, рыкнул он. – Сядь на место! У меня свидание с этой кралей... Так что отвянь!

Испанец захлопал глазами и, недолго поколебавшись, сел.

Анселл, от греха подальше, стал подниматься.

– Не горячись, давление подскочит, – цыкнул он на Богла.

– Плевал я на давление. Живо за ней, пока я не разнес всю эту лавочку!

Анселл несмело пошел к девушке. Все, кто был в патио, с любопытством наблюдали за ним.

Девушка тоже смотрела на него, непринужденно опершись спиной на перила веранды: взгляд у нее был внимательный, но дружелюбный. Когда Анселл приблизился, она неожиданно улыбнулась. Алый рот приоткрылся, и блеснули ослепительно-белые зубки.

Анселл опешил.

– Хелло, – сказала она.

– Прошу меня простить, – наиучтивейшим образом произнес Анселл, – вы кого-нибудь ждете? Здесь неподходящее место для одинокой молодой женщины.

– Вот и в путеводителе так написано, – огорченно ответила девушка, – только я хожу сюда уже неделю, и хоть бы что-нибудь со мной случилось! Я думаю, у этого заведения дутая репутация.

– Я хотел пригласить вас составить мне компанию, пока не явится ваш сопровождающий, – оторопело вымолвил Анселл.

Она рассмеялась. Какой у нее был смех – сочный, искренний, заразительный, с какими-то бесшабашными нотками! Даже жиденькая кровь Анселла быстрее побежала по венам.

– С чего вы взяли, папочка, что мне нужен сопровождающий? – спросила она. – Вам не кажется, что я способна сама о себе позаботиться?

Это был тот редкий случай, когда Анселл смутился.

– Извините, – сказал он натянуто, – вы опытнее, чем я по ошибке подумал. Прошу меня простить.

– Да ладно, не обижайтесь, – остановила она его. – Будем друзьями. В конце концов, Стэнли и Ливингстон тоже не сразу нашли общий язык⁵. Кажется, ваш молодой друг желает со мной познакомиться? Или он на всех смотрит, как кот на сметану? – Она спустилась по ступенькам и прошла к столику, за которым сидел Богл.

Растерянно пожав плечами, Анселл поплелся следом.

Богл наблюдал за этой сценой в немом изумлении. А когда увидел красотку прямо перед собой, окончательно впал в ступор – сидел и моргал как болван.

– Дать иголку с ниткой? – участливо спросила она, опершись на стол загорелыми руками и придвинув к нему лицо.

– Чего? – не понял он. Глаза у него были непроницаемые, как два камешка.

– Ничего. – Она села. – Просто подумала, что у тебя пуговица отскочила, раз ты не в состоянии встать, чтобы со мной поздороваться. Но возможно, ты дитя прогресса и отрицаешь косные условности. – Она положила ногу на ногу, поправила юбку, прикрыв стройное, обтянутое шелком колено, и задумчиво посмотрела на Богла. – Так, понятно. Издалека тебя не

⁵ Дэвид Ливингстон (1813–1873) – шотландский миссионер, исследователь Африки. Осенью 1871 г. умирающего Ливингстона спасла поисковая экспедиция, которую возглавлял британский журналист, корреспондент американской газеты «Нью-Йорк геральд» Генри Мортон Стэнли (1841–1904). Обнаружив Ливингстона, он произнес: «Доктор Ливингстон, я полагаю?» («Dr. Livingstone, I presume?» – фраза стала крылатой). Некоторое время спустя Стэнли и Ливингстон осуществили совместное путешествие.

сразу разгадаешь. – Она склонила голову набок и улыбнулась ему. – Сейчас-сейчас... Чикаго, как пить дать. Наверняка бегал с пушкой, работал на кого-то из тамошних авторитетов. Признайся, что я права.

Богл опять заморгал и умоляюще посмотрел на Анселла.

– Сам напросился, – хмыкнул Анселл, входя во вкус. – Теперь пеняй на себя. Это была твоя идея.

– Как интересно, – невозмутимо продолжала девица. – Значит, у него есть идеи? Кто бы мог подумать, что перед нами великий мыслитель! Хотя в наше время внешность часто бывает обманчива.

– Да? – немного обескураженно произнес Анселл.

– Полагаю, да. – Она спокойно перевела взгляд на Богла, который все это время обалдело тарасился на нее, и ни с того ни с сего спросила: – Ты ощущаешь тенденцию к образованию грыж?

Богл состроил несчастную мину.

– О чем она, а?

– Возможно, я вторгаюсь в глубоко личную сферу. Попробую объяснить. В эпоху миоцена человек – вернее, его обитавший на деревьях доисторический предок – лишился хвоста. Он начал ходить на двух ногах, но расплатой за прямохождение стала тенденция к образованию межпозвонковых грыж. Просто мне захотелось узнать, как далеко ты продвинулся. Не бери в голову. Обычное праздное любопытство.

Богл побагровел, его колючие глазки злобно сверкнули.

– Шибко умная, да? Мы в Чикаго таких видали. На словах-то все смелые, а зажмешь ее в темном углу, визжит как резаная – спасите, помогите!

– Я с кем попало по темным углам не жмусь, – мгновенно парировала она и тут же приветливо улыбнулась. – Не лезь в бутылку, я пошутила. Как тебя зовут?

Богл смерил ее подозрительным взглядом, но искренняя улыбка девушки его обезоружила.

– Сэм Богл, – ответил он. – И знаешь, сестренка...

– Очаровательное имя, – прервала она его. – Я правильно понимаю, что твою маменьку звали миссис Богл?⁶

– Ну да, – оторопел он. – А что? Как еще могли ее звать?

– Просто хотела удостовериться. Случаются же такие казусы – жизнь преподносит забавные сюрпризы!

– Не знаю, лично мне жизнь ничего забавного не преподносит. И хватит болтать, а то люди и правда чего подумают.

Она рассмеялась:

– Ладно, забудь. Не стоит принимать меня всерьез. А вы кто будете? – обратилась она к Анселлу.

Он представился.

– Настоящий доктор? – Кажется, это произвело на нее впечатление. – Ну а я Мира Шамвей. Будем знакомы, мистер Богл. Будем знакомы, доктор Анселл.

Богл тяжело выдохнул:

– Ни черта не понимаю. Чокнутая какая-то.

– Хамить не обязательно, Богл, – резко сказала она. – Если до тебя не все доходит, это еще не повод говорить грубости. Кто-нибудь предложит даме выпить?

– Чего желаете? – спросил Анселл, не очень понимая, что происходит.

– Думаю, виски будет в самый раз.

⁶ *Боглы* – в шотландской мифологии злые гоблины.

Анселл поманил официанта.

– Наверное, нам следует познакомиться поближе, – сказал он. – Не расскажете, что вы здесь делаете?

Тем временем официант принял заказ. Судя по всему, он не в первый раз видел Миру Шамвей. Они с улыбкой кивнули друг другу. Когда он отошел, Мира открыла сумочку и достала серебряный портсигар. Она закурила, откинулась назад и задумчиво посмотрела на своих новых знакомых.

– Вам это действительно интересно? Поразительно. Но раз уж я пользуюсь вашим гостеприимством... У меня нет секретов. До вчерашнего дня я работала иностранным корреспондентом «Чикагских новостей». Меня вышвырнули, как старую перчатку. – Она повернулась к Боглу. – Я похожа на старую перчатку?

– Не на перчатку, – угрюмо сказал Богл.

Мира с минуту переваривала его ответ.

– Полагаю, я сама напросилась, – заметила она, обращаясь к Анселлу. – Не хочешь получить по носу – не высовывайся.

– Я тоже могу насмешить, сестренка, если постараюсь, – сказал Богл, очень довольный собой.

– Тебе даже и стараться не надо, – кивнула она.

– Ладно, замнем, – поспешил предложить ей мировую Богл. – С газетчиками ссориться себе дороже. Помню, как-то раз забыл выставить одному такому ящик виски, и что вы думаете? Он взял и раскатал мою физию на всю первую страницу! Устроил мне веселую жизнь. – Богл сокрушенно поскреб в голове. – Давно это было, но писаки есть писаки, они не меняются.

– Твоя правда, – подтвердила она. – Мой босс уверял, что разводит червей шелкопряда. Ты не поверишь, какой популярностью он пользовался у девушек. Они по наивности думали: где шелкопряды, там и шелковые чулки – совсем как в старой шутке про шелкопрядов и галстук⁷.

Официант принес напитки.

– Он утратил ко мне интерес, когда я сказала, что у меня аллергия на шелкопрядов. Может быть, поэтому меня и вышвырнули. – Она подняла свой бокал. – За успех – чтобы вам всегда хватало на золотые коронки! – провозгласила она.

Все выпили.

– Вот и все, что я собой представляю на сегодня. А вы чем зарабатываете на хлеб?

Анселл задумчиво повертел в руке бокал.

– Я целитель, – просто сказал он. – Много лет изучал лечебные свойства растений и составил несколько уникальных рецептов. Богл – мой ассистент.

– Подумать только, – восхитилась она. – И что же это за рецепты?

У Анселла возникло неприятное подозрение, что она потешается над ними. Он бросил на нее острый взгляд, но ее восхищение казалось неподдельным.

– Возьмите, к примеру, мои таблетки «Силач», – начал он. – Если бы вы видели Богла до того, как он прошел курс приема этого препарата, подумали бы, что он со дня на день протянет ноги. Худющий, слабый, весь как в воду опущенный...

Она повернулась к Боглу и с любопытством взглянула на него. Он криво ухмыльнулся.

– Сейчас он выглядит так, будто с утра до ночи качает штангу, – изумилась она. – Успех налицо, поздравляю.

Анселл в раздумье потянул себя за нос.

⁷ Вопрос: Что будет, если два шелкопряда пустятся наперегонки? Ответ: шелковый галстук.

– Или другое мое средство – для увеличения груди. – Он переглянулся с Боглом. – Во всех смыслах выдающееся изобретение. С ним сотни женщин нашли свое счастье. У них началась новая жизнь.

Мира с удивлением посмотрела на него:

– В психологическом плане, я полагаю?

– Док, о чем она? – опять не понял Богл.

– Не только, – ответил ей Анселл, проигнорировав реплику ассистента. – Хорошая женская фигура высоко ценится в любой стране. Я могу предъявить наглядные свидетельства. Поверьте, они впечатляют.

Богл подался вперед.

– Возьми на пробу, сестренка, – просипел он. – Всего два пятьдесят, а средство – динамит!

– Уймись, Богл, – осадил его Анселл, – это невежливо. У мисс... э-э... Шамвей прекрасная фигура.

– А чего ж ее тогда с работы турнули? – фыркнул он.

– Очевидно, не по этой причине, – вразумил его Анселл. – Я не хочу сказать, что прием моего препарата никак не повлиял бы на ее карьеру, отнюдь, но мне кажется, мисс Шамвей вполне довольна своей фигурой.

Мира в недоумении переводила взгляд с Анселла на Богла и обратно.

– До сих пор я тешила себя мыслью, что с фигурой мне повезло...

– Подстраховаться не помешает, – сказал Богл. – В наше время нельзя стоять на месте. Надо, это, идти в ногу. Видала, сколько кругом всего понастроили?.. – Он извлек из кармана упаковку пилюль и со стуком шмякнул на стол.

– Спасибо, не надо, – сказала она.

– Это ты сейчас так думаешь, – не отставал Богл, – пока молодая. А ты их сбереги. Они ж хранятся сколько хочешь. Может, мы больше никогда не встретимся. Погоди, вот начнешь стареть, и какой-нибудь парень даст тебе от ворот поворот... Тогда пожалеешь, что нет у тебя наших пилюлек. Оставь на потом, сестренка, на черный день.

Мира вопросительно посмотрела на Анселла.

– Почему вы не заткнете своего назойливого коммивояжера? – возмутилась она, гневно сверкнув глазами.

– Не нужно расстраивать мисс Шамвей, – засуетился Анселл. – Я знаю, ты стараешься ради ее же блага, но если она не желает...

– Не лезь! – огрызнулся Богл. – Пусть берет, и точка. Потом еще спасибо мне скажет. Я знаю, что делаю. Помнишь ту тетку из Веракруса? Как она нас отблагодарила по первости? Плюнула мне в глаза! А через месяц у нее такие... выросли, что ее мужик сразу передумал из семьи уходить. Верно говорю. Подтверди, док!

Мира открыла сумочку, вынула два доллара и сунула их Боглу.

– Сдаюсь, – сказала она и забрала упаковку.

Богл откинулся на спинку стула и расплылся в улыбке. Его первая самостоятельная попытка сбить товар увенчалась блестящим успехом. Даже Анселл был им доволен.

– Если вам удалось повернуть это со мной, – заметила девушка, переведя взгляд с одного на другого, – то что говорить о местных простаках? Их можно только пожалеть.

– Ты еще скажешь мне спасибо, – заверил ее Богл. Его не зря учили: клиент должен испытывать удовлетворение от покупки. – Будешь вспоминать этот день как самую большую удачу в жизни...

– Давайте оставим в покое мою фигуру, – сказала Мира. – А то я чувствую себя неловко.

В глазах у нее вспыхнул недобрый огонек, она потянулась за своим бокалом, задела стакан Анселла – и пиво выплеснулось ему на колени. Прежде чем он успел опомниться, она вско-

чила на ноги, выдернула из его нагрудного кармана носовой платок и принялась промокать им мокрое пятно на брюках. От приступа раскаяния лицо ее густо покраснело.

– Простите, простите, – бормотала она. – Со мной такое нечасто случается. Неужели я испортила ваш костюм?

Анселл забрал у нее платок и вытер брюки.

– Ничего, бывает, – миролюбиво сказал он. – Не стоит огорчаться из-за таких пустяков.

Спохватившись, она переключилась на Богла.

– На тебя тоже попало? – спросила она и, чтобы удостовериться, провела рукой по его пиджаку спереди. – Нет, все в порядке. – Она снова повернулась к Анселлу. – Вы простите меня?

– Ну разумеется, – сказал он, усаживаясь на стул, – вы же не нарочно.

Она поднесла руку к носу и поморщилась.

– Ничего, если я отлучусь вымыть руки? А то я вся в пиве. – Она дружески улыбнулась им и скрылась в кафе.

– Что скажешь, док? – проводив девушку взглядом, спросил Богл. – Сперва ершится – не подступись, потом вроде бы клюет на мою наживку, как безмозглая мексиканская деревенщина... Что-то с ней не так, а?

Анселл и сам был в растерянности.

– Даже не знаю, – честно признался он. – С такой внешностью – и без кавалера! Это больше всего наводит меня на подозрения. В такие чудеса мне не верится.

– Я вот думаю, что ничего у меня с этой кралей не выйдет, – заключил Богл. – У нее язык что бритва. Может, свалим по-тихому, пока она не вернулась? Знаю я таких! Если уж босс с шелкопрядами для нее нехорош, то что говорить про меня!

Анселл махнул рукой официанту.

– Ты понемногу исправляешься, Богл, – похвалил он его. – В прежние времена красивая женщина могла из тебя веревки вить. Думаю, ты прав. Нам незачем здесь оставаться. К тому же у нас еще есть дела. – Он потянулся за бумажником. – Я совершенно уверен, что она без нас... – Не закончив свою мысль, он ошарашенно уставился на Богла.

– Что такое? – встрепенулся Богл.

– Где деньги?! – Анселл судорожно шарил по карманам. – Пропали!

– Пропали? – тупо повторил Богл. – Как это – пропали?

Внезапно глаза у Богла потемнели, и он начал проверять свои карманы. Ни двух долларов, полученных от Миры за упаковку пилюль, ни припрятанной пятерки. Пусто!

Партнеры посмотрели друг на друга.

– Старый как мир трюк! – наконец изрек Анселл, сотрясаясь от досады. – И мы на него попались! Опрокинула стакан, облила меня пивом и обобрала. Мало того, заодно и тебя обчистила.

– Так какого черта мы ждем? – зарычал Богл, отпихивая назад стул. – Надо с ней разобраться!

Официант принес чек. Он взглянул на перекошенное лицо Богла, и в его глазах появилось беспокойство.

– Что-то не так, уважаемые?

– Нас ограбили, – рыкнул Богл. – Прочь с дороги!

– Но сеньорита ушла, – сообщил им официант. – Сеньорита никогда не грабила наших клиентов, прежде чем они расплатятся по чеку. Ай-ай, как нехорошо с ее стороны.

Богл и Анселл снова вперились взглядом друг в друга.

– Что ты хочешь сказать? – строго спросил Анселл. – Ты знаешь эту девушку?

– А как же! – Официант разувальбался. – Такая красавица, и у нее очень проворные пальчики. Она часто к нам заходит. Хорошее место для ее промысла.

– Значит, на клиентов всем наплевать? – взревел Богл, сжимая кулаки. – С нами можно поступать как угодно!

Официант в порядке извинения пожал плечами:

– Господа сами пригласили ее за свой столик. Я думал, вы с ней знакомы.

– Пошли отсюда, Богл, – сказал Анселл. – Сами виноваты.

– Минуточку, вы еще не расплатились, – напомнил официант.

– Получишь с блондинки, когда она заглянет к вам снова, – буркнул Богл. – И передай ей от меня, что, если она мне попадется, порву на части и вытряхну потроха!

Официант потемнел лицом:

– Так не пойдет, сеньор, а вдруг она здесь больше не появится?

Что-то в его взгляде насторожило Богла, и он сбавил обороты:

– Негоже, чтобы ты из-за нас пострадал. Скажи-ка, у тебя есть девушка?

Официант просиял.

– У меня прекрасная девушка, – сообщил он, сверкнув белозубой улыбкой. – Другой такой во всей стране не найдешь.

Богл вынул упаковку пилюлек и вручил официанту.

– Теперь будет еще краше. Вот эта коробочка стоит два с половиной бакса. Дарю!

Официант рассмотрел коробочку со всех сторон и презрительно фыркнул:

– Она такие таблетки уже принимала и бросила – вся покрылась сыпью.

– Подумаешь! – Богл оттолкнул его с дороги. – Зато ей было чем заняться.

И они с Анселлом решительно двинулись через патио к выходу.

Глава третья

Прежде чем рассказать вам, как я познакомился с Мирой Шамвей, надо хотя бы вкратце объяснить, кто она и откуда, чтобы после на это не отвлекаться.

Мира Шамвей слукавила, когда представилась доку Анселлу корреспондентом чикагской газеты. Она была щипачка, и на момент их встречи ее профессиональный стаж составлял уже пять лет. Если вам непонятно значение этого слова, остановитесь на бойком перекрестке и переложите увесистую пачку денег из кармана в карман. Очень скоро какая-нибудь девица незаметно умыкнет ваши денежки, и, когда через несколько часов вы их хватитесь, будет уже поздно. Вот что такое щипачка.

Отец Миры был фокусником в маленьком театре-варьете, и дела его шли ни шатко ни валко. Мира разъезжала с ним по городам и весям. Когда ей исполнилось пятнадцать, отец решил сделать ее своей ассистенткой. Мира согласилась, и уже через год на всем Восточном побережье ей не было равных в проворстве, изяществе и чистоте исполнения трюков. Она могла молниеносно спрятать в ладони – на их жаргоне «спальмирровать» – до шести карт! Или снять с мужчины жилетку так, что он ничего не почувствует. Или подтяжки. Короче говоря, она стала мастером экстра-класса.

Однажды вечером в ее судьбе случился крутой вираж. После представления отец привел в примерку молодого человека, который жаждал с ней познакомиться.

Это был коммивояжер, он заехал в город, где они тогда гастролировали, чтобы найти финансовую поддержку для какого-то делового начинания, а вечером отправился в театр и там увидел Миру. Она поразила его своей красотой, и он явился за кулисы с намерением поразить ее своими деньгами.

Хэмиш Шамвей благосклонно смотрел на то, чтобы Мира поужинала с новым поклонником. Он знал, что у Миры есть голова на плечах и, если что-то пойдет не так, она сумеет за себя постоять.

Звали молодого человека Джо Крумм, с виду он был вполне приятный малый. Они с Мирой пошли в ресторан и заказали дорогой ужин. И тут Крумм совершил роковую ошибку – похвастался увесистой пачкой свернутых в рулон банкнот. Два с половиной дюйма в окружности! Мира никогда в жизни не видела столько денег. А он еще и подлил масла в огонь: мол, это мелочи, в банке деньги у него лежат штабелями. Мира решила его попугать и стибрила толстый рулон. Как нечего делать. Когда пришло время платить по чеку, он обнаружил, что денег нет. У него чуть не случился разрыв сердца.

Директор ресторана и два-три официанта взяли его в кольцо и замерли в ожидании – надежда получить плату за дорогой ужин таяла как дым.

Мира испугалась. Все смотрели на них. Крумм словно обезумел, директор непрерывно что-то бормотал, через слово поминая полицию. Ей не хватило смелости прилюдно вернуть деньги и объявить, что это просто шутка. Она сидела красная как свекла и мечтала провалиться сквозь землю.

Крумму даже в голову не пришло, что его обчистили. Никто, кроме официанта, к нему не приближался. Страшное смущение на лице Миры было убедительнее любого алиби. (Если бы он не разнервничался, то, наверное, мог бы сообразить, что при этих обстоятельствах фокусница – наиболее вероятная подозреваемая.) Нет, такая милая девушка не способна... Исключено.

В конце концов пожилой господин, наблюдавший за их конфузом с другого конца зала, поднялся из-за стола и подошел к ним. Он положил глаз на Миру, едва она переступила порог ресторана. Золотистые блондинки всегда были его слабостью, а тут удача сама шла в руки.

Он откровенно высказался по поводу наглых щенков, которые повадились ужинать за счет ресторана. И выразил искреннее сожаление, что ни в чем не повинной молодой особе теперь приходится краснеть. После чего вынул пухлый бумажник и заплатил по счету.

– Я на машине, – сказал он Мире. – Позвольте отвезти вас домой. Этот молодчик – неподходящий провожатый для такой девушки.

Мира была ни жива ни мертва – она по сей день не помнит, как вышла из ресторана. И только когда огромная дорогая машина помчала ее по темным улицам и в лицо ей ударил свежий ночной воздух, ледяющий страх начал понемногу отступать.

Ее солидный спутник вежливо представился – Дэниэл Вебстер – и пожелал узнать ее имя. Мире было всего шестнадцать, но она уже кое-что понимала. Поработав год в варьете, поневоле усвоишь урок: за А, Б и В неизменно следует Г. Мира предвидела некоторые сложности с Дэниэлом Вебстером. Не только из доброго отношения к ресторану он выложил свои семь долларов. Поэтому она сказала, что зовут ее Роуз Карравей и что остановилась она в отеле «Денвилл». То есть дважды солгала.

Чтобы попасть в «Денвилл», им нужно было бы двигаться в прямо противоположном направлении, и она рассудила, что это самый простой способ выяснить его намерения. Если он развернется, значит она напрасно в нем усомнилась. Если поедет прямо, значит дело нечисто. Он не развернулся.

Едва Хэмиш Шамвей открыл для себя, что у него растет дочь-красавица, он решил обучить ее навыкам самообороны, отлично понимая опасности своей профессии: когда прелестная девушка выступает на сцене, ей лучше знать, что к чему в этом мире, иначе от ее прелести очень скоро ничего не останется. С ранней юности Мира была осведомлена о том, как устроена жизнь, и владела парой полезных приемов. Сидя с Вебстером в машине, она нисколько не сомневалась, что сумеет справиться с любыми неприятностями.

Дэниэл Вебстер намеревался в первый же удобный момент получить сполна за оплаченный ресторанный счет. Выехав из города, он свернул на обочину и выключил мотор.

Мира сохраняла полное спокойствие. Мало того, ей не терпелось проверить на практике советы отца, которые тот на протяжении последних четырех лет вколачивал ей в голову. Как только Вебстер попытался облапать ее, она размахнулась и ударила его ребром ладони в основание носовой перегородки. Отец учил никогда не бить вполсилы. И она постаралась.

Ее удар был точен: перегородка хрустнула, из глаз Вебстера брызнули слезы, а в мозг впилась тысяча раскаленных докрасна игл. Он убрал руки и обмяк на сиденье как сдувшийся воздушный шар.

Мира открыла дверцу машины, вылезла на обочину и побежала – размеренно, без паники – в темноту. Только через несколько минут, остановившись кинуть взгляд назад, она поняла, что сжимает в руке бумажник Вебстера. Она и не заметила, как прихватила его. Возвращаться, чтобы вернуть бумажник хозяину, было по меньшей мере неразумно: Вебстер мог не оценить ее благородства и обойтись с ней неласково. Она присовокупила бумажник к рулону Крумма и пешком отправилась в город.

Закрывшись в спальне, она пересчитала деньги в бумажнике Вебстера. Оказалось, что вечерний поход в ресторан и поездка в машине принесли ей четыреста семьдесят долларов чистоганом.

В ту ночь она не спала. Ей о многом нужно было подумать. И прежде чем тусклый свет зари просочился сквозь жалюзи на ее окне, у нее сложился план.

К счастью для нее, в тот день их труппа переезжала в другой город, и вероятность того, что Мира когда-нибудь вновь встретится с Круммом или Вебстером, сводилась практически к нулю. Она спрятала свой первый доход под поясом для чулок и помогла родителям упаковать вещи и реквизит, чтобы не опоздать на ранний утренний поезд в Спрингвилл, следующий город в их гастрольном расписании.

Еще два года она работала вместе с отцом, а потом, ни с кем не простившись, собрала сумку и уехала. Ни угрызений совести, ни сожалений. Мира Шамвей созрела для того, чтобы вырезать свои инициалы на дверях фортуны.

В последние два года жизни с родителями она подворовывала – осторожно, но методично. Это было до смешного просто. Никаких осложнений не возникало. Искушение добывать деньги таким легким способом оказалось слишком велико.

Она заранее все продумала. И первым делом купила подержанный «кадиллак».

У нее скопилось тысяча четыреста долларов, и покупка «кадиллака» не затронула заветный рулончик.

Отцу она написала записку, короткую, но исчерпывающую: ей надоело жить тяжким трудом – раз и беспокоиться о ней не нужно – два. Она и не думала, что он будет беспокоиться о ней, скорее уж о себе.

Погрузив сумку в багажник, она двинулась на юг. Ей хотелось уехать как можно дальше от заштатных городишек, по которым они скитались. Мира мечтала о Флориде. Теперь путь был открыт.

В следующие два года она обеспечивала себя сама. Разъезжала на своем «кадиллаке», иногда подрабатывала в ночных клубах, но больше просто путешествовала. Источником дохода ей служили бумажники случайных знакомых. Как только деньги подходили к концу, она находила очередного клиента и обчищала его карманы. Действовала она осторожно. Ее ни разу не схватили за руку. Ей ничего не стоило вытащить бумажник, изъять оттуда несколько сотен долларов и вернуть бумажник на место, пока его обладатель не заметил пропажи. Что же до частичной пропажи купюр, в девяти случаях из десяти толстосумы не обращают на это внимания.

В Мексику она подалась из желания полностью сменить обстановку. Она любила разнообразие. В ее тогдашнем настроении Мексика казалась подходящим местом. Ее нигде ничто не держало. Родители вместе с ее прошлым были вычеркнуты из памяти. Ее домом был теперь огромный «кадиллак».

В тот вечер, выйдя из «Лоренсилло» с заднего хода, возле которого был запаркован ее автомобиль, она помчалась к центру города, чтобы оттуда махнуть в Веракрус. Удалившись от кафе на достаточное, по ее прикидке, расстояние, она остановила машину на тихой боковой улице и посмотрела в зеркало над головой.

Убедившись, что ее никто не преследует, она открыла сумочку и вынула сигарету. Закурила, наклонилась вперед, чтобы свет от приборной доски падал прямо на руки и открытую сумку, извлекла свернутые в рулончик банкноты и внимательно пересчитала. Сто двадцать долларов.

– Неплохо, – вполголоса сказала она.

Разделив банкноты на две равные по толщине стопки, одну она убрала в сумку, а другую спрятала за чулок. Затем взяла с приборной доски крупномасштабную карту и разложила ее на коленях.

Тут-то я и нашел ее.

Из бара «Маноло» я вышел почти вслед за Джуденом, собираясь навести справки в полиции – нет ли у них хоть каких-нибудь идей, куда могла направиться эта Мира Шамвей. Если нет, пришлось бы искать иголку в стоге сена.

В тени какого-то здания я заметил огромный «кадиллак» – темно-зеленый. Я так и подпрыгнул. Не верь после этого в чудеса! Я перешел через дорогу и тихо приблизился к машине.

Она! Светлые волосы почти скрывали лицо, склоненное над картой. Но с меня и волос было довольно. Поиски Миры Шамвей закончились, едва начавшись. Вот же она, тут как тут, собственной персоной!

Но я не бросился к ней, как поступил бы на моем месте детектив-любитель. Я отошел на пару шагов, чтобы спокойно обмозговать ситуацию. И так, Мира Шамвей здесь, и она свободна как птица, никаких бандитов в поле зрения – в любую секунду может нажать на газ и смыться. Опять же, без истории с похищением мне от блондинки мало проку. У меня мелькнула мысль выложить ей все начистоту и решить вопрос полюбовно, так было бы проще всего. Но если она узнает об обещанном вознаграждении, придется взять ее в долю, а половина от 25 000 долларов нравилась мне вполтину меньше. К тому же ей, возможно, до смерти надоел ее папаша и она наотрез откажется вернуться в Нью-Йорк. Нет, у меня был только один шанс выиграть игру – перехитрить блондинку.

Я подгреб к машине и, положив руки на дверцу, заглянул внутрь.

– Как по-вашему, зачем беговым лошадям соломенные шляпки? – спросил я. – Чтобы их съесть?

Она невозмутимо перевела на меня свои огромные глаза и снова углубилась в карту.

– Остынь, нырни в колодец, – посоветовала она мне. – Если поблизости не найдешь, выкопай сам. Тебе всякий поможет, если толково объяснишь, зачем это нужно.

Я слегка опешил. Никогда не был силен в пикировке с острословами. А Мира Шамвей за словом в карман не лезла. Мягко говоря!

– Да я просто прошупываю почву, – сказал я, пытаюсь зайти с другого конца. – Увидел машину, дорожную карту, ну и подумал напроситься к вам в попугачики.

Она снова вскинула на меня глаза:

– Это не автобус. Я пассажиров не беру.

– В смысле незнакомцев, – поправил я ее. – Позвольте представиться – Росс Миллан.

– Слушай, может, для мамочки ты и свет очей, – произнесла она с расстановкой, – а для меня бельмо на глазу. Спокойной ночи. – И она вернулась к карте.

Я сосчитал до десяти и, когда давление пришло в норму, обошел машину кругом, открыл дверцу и сел.

– Эх, хорошо! А то ноги уже гудят.

Она напряглась.

– Надеюсь, для твоего же блага, что ты не станешь делать глупости, – сказала она, медленно складывая карту.

– Ни в коем случае, – заверил я ее. – Мне всего-то и нужно – прокатиться с вами, все равно куда. Надоело, знаете, болтаться в Мехико, пора сменить обстановку. А я всегда путешествую автостопом, потому что я скупердяй.

– Тайные пружины твоей психологии меня безумно интересуют, – сообщила она, и мне показалось, возможно ошибочно, что в ее голосе промелькнуло раздражение. – Но если ты не выйдешь из машины, тебя ждет сюрприз.

Я уселся поудобнее, хотя глаз с нее не спускал. Меня угораздило пару раз связаться с крутыми девчонками, и повторять этот опыт мне совсем не хотелось.

– Для сведения: раньше я выступал на арене как силач-профессионал. Среди моих коронных номеров один был особенно удачный: я сжимал в зубах девушку и бегал с ней по кругу. Так-то.

– Неужели? – Она сделала изумленное лицо. – И ты отказался от такой карьеры?

– Пришлось, – печально признался я. – Во всем виновата девушка. Глупая была как пробка и настырная, как сверло дантиста. Ужасно действовала мне на нервы. Иногда я прямо с трудом сдерживался, так бы и укусил ее! Это было бы проще простого, сами понимаете. Ну и однажды вечером она меня довела. – Я пожал плечами. – Хотел только слегка сдавить ее зубами, да, видно, вошел в раж.

Она призадумалась. Очевидно, пыталась сообразить, что я за фрукт. Потом наудачу сказала:

– Шел бы ты своей дорогой, не то я закричу.

– Давай, – ответил я, резко повернувшись, чтобы оказаться лицом к лицу с ней. – Будет повод врезать тебе. Всю жизнь мечтал от души врезать красивой блондинке, только повода не было.

Она внезапно дернулась вперед и злобно включила зажигание.

– По тебе тюрьма плачет, – бросила она мне и сдвинула рычаг переключения передач.

– Не надо нервничать, – сказал я, – от этого портится цвет лица. Куда едем – в Веракрус?

– Пожалуй, – ответила она, направляя авто вперед по темной пыльной дороге, – если вашу милость это устроит, разумеется.

– Меня все устроит, лишь бы выбраться из этой дыры. Расслабься, сестренка. Я тебя не трону, просто хочу свалить из города, и желательно задарма. Как только доберемся до Веракруса, я с тобой распрощаюсь и от меня останутся одни воспоминания.

– Само собой, распрощаешься. На что ты мне сдался! Не под венец же с тобой идти?

– Это смотря насколько ты старомодна. Лично я против ненужных формальностей в таких делах. Послушай, прелесть моя, как, ты сказала, тебя зовут?

– Если ты не помнишь, что тебе говорят, то повторять я не собираюсь.

– Как же мне к тебе обращаться? «Эй, ты» или «Слышь, сестренка»?

– Я переживу, если ты никак не будешь ко мне обращаться, – равнодушно обронила она. – Не напрягай зря связки, а я сделаю вид, что тебя здесь нет.

Я взглянул на часы на приборной доске: 23:15.

– Пока я не принял твои условия, ответь мне на один вопрос. Надеюсь, ты не собираешься гнать всю ночь до самого Веракруса?

– Отсюда до Чалько всего несколько миль. Сделаю там остановку – тебя сдам в полицию, а себе найду номер в гостинице.

– Есть другая идея, – осторожно предложил я. – Если вести машину по очереди, то на рассвете мы были бы уже в Орисабе. Я знаю там одну гостиницу – обслуживают по первому разряду. Самое комфортабельное место на свете, если считать, что весь белый свет – это Мексика.

– Ладно, – сказала она, поразмыслив. – Только мне не хотелось бы уснуть, пока ты сидишь за рулем. Мало ли что взбредет тебе в голову!

– Ну если ты боишься меня... – Я пожал плечами.

– С чего ты взял, что я тебя боюсь? – Кажется, такое предположение ее задело. – Я еще не встречала двуногого, который сумел бы меня напугать.

– Это похоже на предсмертные слова из какого-то анекдота. Впрочем, если ты не блефуешь, солнце мое, уступи мне руль и закрой глазки. – Я широко улыбнулся ей.

Секунду поколебавшись, она остановила машину. Потом пристально посмотрела на меня – и в глазах у нее внезапно промелькнула улыбка. Ну и девица, до чего хороша! Помимо того, что для меня она была живым воплощением 25 000 долларов, она еще и выглядела подходяще. Когда я говорю «подходяще», то подразумеваю, что любой другой женщине в этой стране до нее как до луны. Ничего не поделаешь, люблю блондинок! Возможно, они немного взбалмошные, зато смотреть на них одно удовольствие. По мне, это лучший отдых для глаз.

– Слушай, браток, – сказала она, – если вздумаешь дурить, я тебя так вырублю, что все пробки повывлетают.

– Дашь хотя бы взглянуть на них перед смертью? – попросил я. – Всю жизнь мечтал стать экспонатом в паноптикуме Рипли⁸.

– Я тебя предупредила, – отрезала она и вышла из машины.

⁸ Роберт Рипли (1890–1949) – американский художник-карикатурист, путешественник, собиратель диких животных, создатель музеев-кунсткамер «Хотите верьте, хотите нет!» («Believe it or not!»), автор одноименных комиксов и радиошоу.

Я перебрался на водительское место.

– На заднем сиденье спать удобнее, – сказала она, устраиваясь у меня за спиной. – К тому же у меня тут запасной колесный диск. Только попробуй свернуть с трассы – огрею по голове. Телеграмму с предостережением заранее посылать не буду, не рассчитывай.

– Тебя послушать, – ответил я, включив зажигание, – так подумаешь, что ты совсем не сентиментальна. Но если серьезно, пупсик, можешь спокойно доверить мне свою жизнь.

– Доверить? Не раньше чем я сменю шелковое белье на смирительную рубашку.

Судя по всему, через некоторое время она уснула. «Кадиллак» мчался по ночному шоссе. Машина – зверь, одометр только успевал отсчитывать мили. Я думал, что примерно через час она проснется и сменит меня за рулем, но не тут-то было. Она проснулась, только когда автомобиль запрыгал по булыжной мостовой в предместье Орисабы.

– Уже светло, – удивленно ахнув, заметила она. – Это я столько спала?

– Кто-то заливисто храпел мне в ухо, – ответил я, сворачивая на главную улицу. – Если не ты, значит у нас на борту безбилетный пассажир.

– Я не храплю, – холодно сообщила она, и я услышал, как она роется в сумочке. Ну конечно, первым делом надо попудрить носик.

– Не тушуйся, – ободрил я ее. – Со мной тебе нечего стесняться. – Я запарковал машину возле небольшой гостиницы, облицованной розовым камнем. – Мне даже нравится, когда у меня под боком кто-то похрапывает. Ностальгическое чувство.

– Ностальгическое? – переспросила она.

– Ну да, сразу вспоминается жизнь на ферме. – Я поспешно вылез из машины и деловито сказал: – Подожди тут, я схожу договорюсь. Тебе нужен номер или обойдешься ванной и кофе?

– Никаких номеров, – твердо заявила она.

Сперва нужно было извлечь из гостиничных недр управляющего, потом представиться ему... И только тогда меня обожгла мысль, что я совсем рехнулся – оставить ее одну в автомобиле! Однако волновался я напрасно и, выйдя на улицу, обнаружил, что она никуда не делась.

– Договорился, – известил я ее, распахивая дверцу. – Сперва ванна, потом завтрак на веранде. Яйца, фрукты, кофе. Устраивает?

Она вышла из машины с маленьким саквояжем в руке.

– Еще как, – подтвердила она и в первый раз по-дружески мне улыбнулась.

Я почувствовал, что дела пошли на лад.

– Через полчаса жду тебя внизу за завтраком. Отбросим условности и поговорим по душам.

– Мне и одной неплохо, – возразила она. – Я тебя подвезла, и на этом точка, до свидания.

– Не дури, – сказал я, решительно беря ее за руку повыше локтя и подталкивая к гостинице. – Если ты сбежишь, кто заплатит за мой завтрак?

Глава четвертая

По сравнению с другими мексиканскими городами, Орисаба еще ничего. От Мехико едешь все время вниз: через шестьдесят с лишком миль ты спускаешься на шесть с лишком тысяч футов⁹. И атмосфера существенно меняется. Воздух здесь плотнее, а зной нестерпимее.

Сидя на веранде с видом на площадь под непроницаемыми взглядами низкорослых индейцев в засаленной военной форме, я подумал, что жизнь не такая уж скверная штука. Отмокнуть в горячей пенной ванне, а после с аппетитом позавтракать на свежем воздухе – что может быть лучше!

В дальнем конце площади разместился маленький цветочный рынок. Несмотря на ранний час, индианки принялись за работу – сбрызгивали водой и сортировали всевозможные цветы, составляли букеты. Над площадью плыли густые ароматы, погружая нас в пахучее облако.

– Хорошо, что мы сюда завернули, – похвалил я себя. – Если предчувствие меня не обманывает, нам суждено стать большими друзьями. Когда-нибудь будем вспоминать, как все начиналось.

Мира положила ноги на свободный стул и закрыла глаза: жаркое солнце било ей прямо в лицо. Она переделалась в простое, но элегантное льняное платье, идеально сидевшее на ее точеной фигуре.

– В Веракрусе мы расстанемся, – сказала она не то чтобы очень решительно.

– А нам туда очень надо? – спросил я. – Давай поживем здесь. По вечерам ты будешь рассказывать мне сказки, а если я заскучаю, ты станцуешь.

– Спасибо за соблазнительное предложение, – сказала она, лениво потягиваясь, – но меня оно не прельщает.

– Ты всегда скрываешь свое нутро под твердой фанеровкой? Не пробовала обойтись без нее?

Она открыла глаза и взяла со стола кофейник.

– Нет. Она прочно со мной срослась и не дает трещин.

Мира налила себе еще кофе и перевела взгляд на горы, словно надвигавшиеся на Орисабу.

– Ну и зря, – я пошарил по карманам в поисках сигарет, и, обнаружив, что моя пачка «Честерфилда» пуста, с надеждой взглянул на Миру, – иногда расслабиться не мешает. Ты много теряешь, сестренка.

– Ничего подобного, – ответила она, угощая меня сигаретой из своего портсигара. – У меня нет времени для забав. Я честолюбива.

– Это заметно. Только не надо перегибать палку. Так как, ты сказала, тебя зовут?

Она рассмеялась:

– Мира Шамвей.

Собственно, в подтверждении я не нуждался, ошибки быть не могло. Но убедиться всегда приятно. А учитывая, что мы с ней были уже почти на дружеской ноге, еще и полезно.

– Чудесное имя.

Мимо прошла кучка мексиканских работяг с гитарами. Они пересекли маленькую разбитую площадь и уселись спиной к стене дома напротив. Двое принялись еле слышно что-то наигрывать.

– Как мило. Они споют?

⁹ Около двух километров. В действительности Орисаба находится на высоте 1236 м, Мехико – 2250 м над уровнем моря, т. е. разница около километра.

– Споют, если попросишь. А если кинешь несколько монет, то бог знает чего они только не сделают.

Не успел я договорить, как на площадь въехал грузовик, заглушив своим грохотом тихий перебор гитар. Он остановился сразу за входом в гостиницу, и из кузова на землю спустились двое. Один маленький и сморщенный, другой – здоровенный амбал.

Мира резко двинула свой стул назад, как будто намереваясь встать, но передумала и осталась на месте.

– Что, муха укусила? – спросил я, глядя, как эти двое к нам приближаются. – Похоже, у нас нынче слет соотечественников. Если не ошибаюсь, это американцы.

– Тебе только в варьете выступать, – сказала Мира так кисло, что я с удивлением посмотрел на нее.

– Знакомые? – спросил я.

Ее лицо неожиданно посуровело – при случае она умела напустить на себя грозный вид.

– Лучшие друзья, – ответила она саркастически. – Они тебе понравятся.

Вновь прибывшие поднялись по ступеням на веранду и молча, но явно враждебно нависли над нами.

– Ну, здравствуйте, – сказала Мира. – А я все гадаю, что с вами приключилось.

– Ага, гадаешь, – процедил сквозь зубы амбал.

– Это мистер Росс Миллан, – представила она меня. – А это док Анселл и мистер Сэмюэл Богл. Мистер Богл – это вон тот джентльмен с невымытой шеей.

– Садитесь, скушайте яичко, – предложил я, озадаченный их неприкрытой агрессивностью.

– Какое, к черту, яичко! – рявкнул Богл, угрожающе растопырив пятерню.

– Может быть, мистеру Боглу угодно выпить? – с улыбкой спросила Мира.

– Выпивкой не отделаешься, – мерзким голосом произнес Богл. – Мы пришли за жертвованием – нашим собственным жертвованием.

– О таких говорят – сильная личность, согласна? – обратился я к Мире.

– Тарелка геркулеса на завтрак, – сказала Мира, пожав плечами. – Иногда это творит чудеса.

– Несомненно, – подхватил я. – Значит, он просто каши мало ел сегодня?

Богл с таким шумом втянул в себя пропитанный влагой орисабский воздух, что я представил, как его легкие покрываются мхом. На всякий случай я приподнялся ему навстречу, но Мира меня опередила.

– Да сядь ты уже и выпей чего-нибудь, – сказала она Боглу. – От твоего вида у меня скулы сводит.

– Неужели? – набычился Богл. – Сейчас у тебя еще не то сведет... если не вернешь мои кровные!

Мира бросила взгляд на Анселла:

– Он не перегрелся на солнце, как вы думаете?

Анселл поджал губы.

– Не советую тебе продолжать в том же духе, – строго сказал он. – Отдай деньги!

Я не знал, о чем спор, но понимал, что двое против одного всегда будут в выигрыше.

– Послушайте, вы, – начал я, выдвигаясь вместе со стулом из-за стола, – если не можете вести себя прилично, запускайте свои пропеллеры и летите отсюда!

Богл медленно сжал кулаки.

– Ты что, оглох? Не врубаешься? – Он повернулся и придвинул ко мне свою красную рожу. – Еще раз откроешь пасть, я тебе руку оторву и той рукой забью тебя до смерти!

Я улыбнулся ему и этим пока ограничился.

– А нельзя забыть меня чем-нибудь более подходящим? Обратись в гостиницу, может, помогут с инструментом. Рука мне и самому пригодится.

Богл изготовился вмазать мне, но тут вмешался Анселл:

– погоди, Сэм. Возможно, джентльмен не вполне понимает положение дел.

Богл с сомнением посмотрел на меня и перевел взгляд на Анселла.

– Хочешь сказать, он следующий?

– Почему нет? Мы же с тобой попались. Он производит впечатление приличного человека.

Я поблагодарил его и добавил:

– Конечно, я не в курсе дела, но, если я могу вам чем-то помочь, скажите прямо. – Я взглянул на Миру, которая напряженно следила за развитием событий. – Ты знаешь этих джентльменов?

– Вчера мы встретились в кафе, – ответила она, осторожно выбирая слова. – Здрасте – до свиданья, вот и все знакомство. Выпили и распрощались.

– Ага, распрощались, – тяжело дыша, буркнул Богл. – Не только с тобой, но и со всей нашей наличностью!

Несмотря на его внушительные габариты, я не намерен был терпеть откровенное хамство. Я встал.

– Ты назвал девушку воровкой?

Богл вплотную приблизился ко мне, и у меня возникло неприятное чувство, что сейчас на меня обрушится гора.

– Да! – подтвердил он, скаля бурые от табака зубы. – Хочешь со мной разобраться?

Я рассудил, что Мире больше пользы от меня целого, чем от разобранного на части. Мы с Боглом принадлежали к разным весовым категориям. Не люблю бить первым того, кто вдвое здоровее меня. Не вижу смысла.

– Нет, все в порядке, приятель. – Я подрыгал ногой, потопал по полу. – Просто ногу свело.

– Ногу свело? – тупо повторил он за мной.

– Да, неприятная штука. – Я взглянул на Миру. – У тебя никогда ничего не сводит?

– Только от розовых очков, – ответила она. – Странно, да? Розовые очки сводят на нет все мои усилия.

Богл явно страдал от скачков давления. Он сорвал с головы шляпу и, хватив ею об пол, принялся по-боксерски дубасить воздух.

– Полегче, Богл, – предостерег его Анселл. – Держи себя в руках.

– Мне нужны деньги! – взревел Богл и ногой отправил шляпу через всю веранду. – Мне не нужны разговоры. Верните мне мои деньги! А после я разорву эту кралю на мелкие кусочки и скормлю стервятникам!

Анселл придвинул к себе стул.

– Нам не стоит делать поспешных выводов, – произнес он. – Мы не можем утверждать, что мисс Шамвей взяла наши деньги.

– Можем! Я могу! – свирепо возразил Богл. – И я вытрясу из нее деньги! Наизнанку ее выверну, если надо!

На какую-то долю секунды синие глаза Миры непроизвольно расширились. И я понял: она таки стащила деньги. Это открытие сразило меня наповал. Дело не просто осложнилось – Богл и Анселл при желании могли устроить нам очень большие неприятности.

– Кончай завязываться узлом, – резко бросила ему Мира. Силы духа ей было не занимать, это точно. – Что ты плетешь?

Богл шевелил губами – как будто молился. Но то, что прорывалось сквозь его стиснутые зубы, не вполне соответствовало молитвенному настрою.

– Мы полагаем, что вы украли наши деньги, – пристально глядя ей в лицо, сказал Анселл. – У каждого из нас при себе имелись небольшие суммы, но после вашего ухода деньги исчезли. Не хочу вас обвинять, но вы должны убедить нас, что это не ваших рук дело.

– Уверена, это твоя идея! – напустилась Мира на Богла. – Жаль, я сейчас далеко от дома. Твоя башка очень пригодилась бы мне для сада камней.

Богл напряжился:

– Да ну! Лучше послушай, что я тебе скажу. Поговорила, и хватит! Теперь моя очередь. Отдай деньги по-хорошему, не то переверну тебя вверх тормашками и вытрясу все до пенса! И если твой дружок думает меня остановить, пусть попробует. Я его так размажу, что ошметки будут со стены из шланга смывать!

Вероятно, на свете есть такие, кому все давно обрыдло, и единственное, что греет им душу, – это острые ощущения, но я не из их числа. И если бы меня спросили, как бы я хотел провести утро, не кривя душой отвечу: перспектива быть смытым со стены из шланга не кажется мне заманчивой.

– Мира, – твердо сказал я, – верни этим джентльменам их деньги и объясни, как ты объяснила мне, что это была шутка, просто шутка. Они, как и я, оценят ее – надеюсь.

Мира заколебалась, но потом пожала плечами, вынула из-за чулка рулон банкнот и бросила его на стол.

– Вот, подавитесь!

Анселл схватил деньги и быстро пересчитал. Семь долларов он отдал Боглу, остальные сунул себе в карман.

Богл шумно выдохнул.

– А теперь, – крикнул он, подтягивая штаны, – пора отвесить ей леца. Сейчас ты у меня получишь, сестренка!

– Не будь дикарем, Богл, – нахмурился Анселл. – Женщин бить нельзя.

– По крайней мере, прилюдно, – добавил я от себя.

– А я отведу ее в тихое место, никто не увидит... – просительно сказал Богл.

– Нет и еще раз нет, – оборвал его Анселл. Получив назад свои деньги, он стал намного благодушнее. – Ну-с, юная леди, – обратился он к Мире, – у меня к вам есть разговор. Я преклоняюсь перед мастерством. А вы продемонстрировали нам искусную работу. В высшей степени искусную. Разумеется, ваши моральные принципы оставляют желать лучшего, – поспешно добавил он, – но талант не вызывает сомнений. У вас божий дар.

Мира была явно раздосадована всем происшедшим.

– Да пошел ты, старый филин! – сердито сказала она и села к нему спиной.

Анселл, похоже, расстроился.

– Какая жалость, – пробормотал он и, перехватив мой взгляд, спросил: – Ну а вы, сэр, кто будете?

– Я-то? Росс Миллан, корреспондент газеты «Нью-Йоркский репортер».

– «Нью-Йоркский репортер»? – У Анселла округлились глаза. – Это же одно из ведущих американских изданий! Рад с вами познакомиться, мистер Миллан. – Он протянул мне руку. – Сожалею, что наша встреча омрачена столь досадными обстоятельствами.

– Пустилки, – заверил я, пожимая ему руку. – Вам не стоит принимать это близко к сердцу. У мисс Шамвей изощренное чувство юмора. И я вижу, что вы, господа, не из тех, кто обижается на шутки.

– Сколько можно болтать, – ворчливо вставил Богл. – Мы же ей этого так не спустим?

Мира стремительно повернулась к нему:

– Шел бы ты отсюда, а? И не отравлял бы воздух. В этом городе и без тебя отбросов хватает. Да прихвати с собой старого тролля – будете на пару работать привидениями, людей пугать.

Богл раздулся от злости.

– Ты слышал – слышал, что она сказала? – повторял он, ища поддержки у Анселла. – Я ей этого не спущу! Да я ей...

– Не горячись, – остановил его Анселл, увидев, что Богл готов сорваться с места. – Сядь, Сэм. Нахрапом мы ничего не добьемся. Согласитесь, мисс Шамвей, я мог бы сдать вас полиции. Но какой от этого прок? Никакого. А между тем мы можем быть весьма полезны друг другу.

– Это как же?

– У вас очень проворные пальчики, – одобрительно сказал Анселл, поудобнее усаживаясь в плетеном кресле. – Возможно, вы знаете и другие трюки, не только как... э-э... облегчать чужие карманы.

Мира свела брови.

– Допустим, – настороженно произнесла она. – И что?

– А то, дорогуша, что мы могли бы, забыв о наших разногласиях, наладить взаимовыгодное сотрудничество. В противном случае, если вы откажетесь принять мое предложение, мне ничего другого не остается, как сдать вас полиции и решать свои проблемы, полагаясь только на Богла.

– Подозреваю, что это само по себе гигантская проблема, – заметила Мира, кинув на Богла презрительный взгляд. – Ума не приложу, как вы еще держитесь на плаву с таким помощничком.

Богл закрыл глаза. Очевидно, попытка сохранить самообладание давалась ему дорогой ценой.

– Ну, попадись ты мне в темном углу, я из тебя котлету сделаю! – сдавленно просипел он.

– Помолчи, Богл, не уводи от сути! – приструнил его Анселл и, возвращаясь к Мире, сказал: – Пожалуйста, не дразните его. Так вы согласны сотрудничать?

– Разумеется! – В глазах у нее заплясал лукавый огонек. – Итак, вам интересно, знаю ли я другие трюки? Полагаю, лучшим ответом будет небольшое представление. – Мира испытующе взглянула на меня, потом на Богла. – Да! Если Сэмюэл не откажется мне помочь, думаю... Ну вот, так и есть!

Она перегнулась через стол и вытянула из уха Богла розовую ленту. Казалось, ленте не будет конца, она опускалась на стол виток за витком, и, прежде чем Богл опомнился и отпрянул, перед нами лежало уже несколько ярдов розового шелка; в конце концов розовое облако соскользнуло на пол, и Богл в ужасе на него уставился.

– Кто бы мог подумать, мистер Богл, – удивленно заметил я, – что вы *такая* девушка!

– Это все вылезло из меня? – испуганным шепотом спросил Богл.

– А я говорила, что у тебя в голове пусто! – покаялась Мира. – Отчего же ты сразу не сказал, что используешь голову вместо комода? Опилки я выгребать не стала, иначе твоя бедная головушка могла бы рассыпаться, но думаю, ты будешь только рад избавиться вот от этого, – и она извлекла из его второго уха бильярдный шар.

Богл задрожал как осиновый лист и вскочил на ноги.

– Успокойся, Богл, – сочувственно сказал ему Анселл, – она всего лишь продемонстрировала нам свое искусство. Она фокусница. – После чего он воздал должное Мире: – Мои поздравления, ваше мастерство выше всяких похвал.

Мира небрежно пожала плечами:

– Если бы у меня здесь был мой волшебный ящик, еще можно было бы говорить об искусстве. А это просто детские игрушки.

Богл наконец сел.

– Почему бы вам не потолковать где-нибудь с глазу на глаз? – предложил я Мире. – У Богла славное лицо, но, может быть, ему не хватает простого человеческого общения. Мы с

доком тоже найдем о чем поболтать, пока вы двое уединитесь, к вашему взаимному удовольствию.

– К удовольствию? Это с ним-то? – переспросила Мира, ткнув большим пальцем в сторону Богла. – Да я скорее уединюсь с тифозной бациллой.

Я подумал, что она по-своему права, но оставил свое мнение при себе.

– Шлепнуть бы тебя сейчас, – сказал ей Богл, – по одному месту!

И я подумал, что он по-своему тоже прав, если я правильно догадался, какое место он имеет в виду.

– Тихо! – скомандовал Анселл. – Мы понапрасну тратим время. – Он сурово посмотрел на Миру. – Вы сознательно дразните его, юная леди. Я этого не потерплю, так и знайте.

Мира расхохоталась.

– Я больше не буду, папочка, честное слово, – пообещала она, заискивающе погладив его по руке. – Расскажите мне скорей, как мы будем сотрудничать.

Анселл подозрительно склонился на нее:

– Если не хотите неприятностей, перестаньте насмешничать.

– Бросьте, док, хватит нотаций, – вмешался я. – Чем воспитывать ее, лучше перейдем к делу.

– Так я же и пытаюсь, только меня все время отвлекают.

– Кончай отвлекать дока, – сказал я Боглу. – Ему это надоело.

– Вот-вот, – поддакнула Мира, – сделай паузу. От твоего голоса всех уже тошнит.

Спасовав под нашим натиском, Богл растерялся и только тарашил глаза.

– Порядок, док, – быстро сказал я, не дав Боглу оправиться. – Вам слово.

– Вы верите в магию? – спросил Анселл.

Мира подняла руку.

– Я верю, – подтвердила она. – Иначе как объяснить феномен нашего друга Сэмюэла?

Богл стянул с шеи галстук и попытался порвать его надвое, вкладывая в свои усилия столько страсти, что лицо у него посинело. Но как ни измывался он над несчастной тряпицей, ничего не получалось.

– Дай-ка мне, – сказала Мира, выхватив галстук из рук Богла. Она молниеносно рассекла его пополам фруктовым ножиком и половинки вернула хозяину. – Держи, Сэмми.

Богл застыл, очумело глядя на бывший галстук. Потом в сердцах швырнул его на пол.

– Мисс Шамвей! – вознегодовал Анселл. – Прекратите наконец издеваться над Боглом!

– Я просто хотела помочь, – возразила Мира, широко распахнув невинные глаза. – Ему самому было не справиться.

– Ладно, забудем, – быстро сказал я. – К чему этот вопрос про магию? Кто в наши дни верит в колдовство?

Анселл озабоченно посмотрел на Богла и, убедившись, что тот вроде бы не собирается биться в припадке, постарался собраться с мыслями.

– Полагаю, вы не слишком осведомлены о древних корнях этой страны. Но я живу здесь уже двадцать лет, и, поверьте, порой здесь встречаешься с диковинными вещами.

– Верю, – кивнула Мира, глядя на Богла.

– Если вы не удержите эту несносную женщину от комментариев!.. – в бешенстве воззвал ко мне Анселл.

– Веди себя хорошо, – сказал я Мире; она вобрала голову в плечи. – Продолжайте, она не будет вам мешать.

– Если я пускаюсь в объяснения, – обиженно попенял нам Анселл, – то рассчитываю, что меня будут слушать. В стародавние времена в этих краях действовала могущественная тайная секта нагуалей. Шаманы, члены секты, были негласными правителями индейцев майя. Сейчас от древней цивилизации остались только воспоминания, но в одной деревне, меньше чем

в двухстах милях отсюда, несколько нагуалей по-прежнему занимаются шаманскими практиками.

– Я что-то припоминаю, – сказал я. – Кажется, они умеют по щелчку пальцев вызывать дождь и превращаться в животных? Вы же не верите в эту чушь?

– Нет. Однако я верю, что они обладают некоторыми сверхъестественными способностями, владеют приемами массового гипноза, а в отдельных случаях и техникой левитации, но все это мы оставим за скобками. Меня интересует их траволечение. Вы слышали о теопатли?

Я замотал головой:

– Что это? Какое-нибудь снадобье?

– Верное средство от укуса змеи.

Пока мы беседовали, Богл сидел, обхватив голову руками, то ли в забытии, то ли в оцепенении. Но поскольку он нам не мешал, никто не обращал на него внимания.

– В каком смысле «верное»? – задал я уточняющий вопрос из уважения к оратору.

– Знаете, молодой человек, я видел, как люди умирают от укуса змеи. Зрелище не из приятных, скажу я вам. Так вот в деревушке, о которой я упомянул, местные жители на моих глазах подставляли себя под укус кораллового аспида, а после втирали в больное место бальзам – и никаких последствий!

– Значит, они просто седили змеиный яд, прежде чем начать свое шоу, – скептически отозвался я.

– Я все тщательно проверил, – упорствовал Анселл. – Гремучие змеи, скорпионы, аспиды... Теопатли мгновенно нейтрализует последствия любых укусов.

– Ладно, пусть так, к чему вы клоните?

– Я хочу выведать у знахаря-индейца рецепт этого бальзама и очень рассчитываю на мисс Шамвей.

Мира уставилась на него как на полоумного.

– Кое-кто и впрямь перегрелся на солнце. Неужели так трудно накрыть голову соломенной шляпой? – ворчливо сказала она. – Может, тебе лучше прилечь, папочка?

– Была бы ты на несколько годков моложе, – процедил Анселл, – отшлепал бы тебя, чтобы впредь неповадно было дерзить!

Как я его понимал!

Мира прыснула:

– Вы не единственный, у кого руки чешутся. Один даже попытался пустить их в ход. Ему наложили четыре шва и отправили на пенсию.

– Спокойствие, – вмешался я в их перепалку. – С чего вы взяли, что это шаловливое дитя сумеет добыть рецепт, а если и сумеет, как вы им распорядитесь?

Анселл сразу остыл.

– По всему миру люди страдают от змеиных укусов, – объяснил он. – Теопатли действует безотказно. При соответствующей рекламе это противоядие озолотит нас. Любой путешественник захочет иметь его в своей дорожной аптечке. И на цену не посмотрит.

Я призадумался. Если это снадобье и правда способно победить любой яд, то Анселл говорит дело. Это сулит не только барыши, но и сногшибательный репортаж.

– Вы своими глазами наблюдали действие противоядия?

– Именно.

– А в чем препятствие? Почему так сложно узнать рецепт?

– Куинтл ни в какую не желает им поделиться. Он из тех индейских шаманов, о которых я вам рассказывал. Пятнадцать лет я обхаживаю его, но старый плут только смеется надо мной.

– И какая роль отводится мне? – подала голос Мира.

– Пару недель назад я виделся с Куинтлом, – сказал Анселл. – Как всегда, он начал водить меня за нос, но я поднажал и в конце концов загнал его в угол. Тогда он сообщил мне, что

скоро умрет. Но прежде к нему явится Дева Солнца и заберет у него все секреты. Она великая волшебница, волосы у нее как сусальное золото, а кожа как снежные вершины Истаксиуатля¹⁰. Я понимал, что это очередная уловка, – ему лишь бы отделаться от меня. Но вот что я думаю: если старик увидит мисс Шамвей, может быть, он испугается и расскажет все без утайки.

Мира протестующе выпрямила спину:

– Надеюсь, мне не придется изображать Деву Солнца? Только этого мне не хватало!

– Отчего бы и нет? – удивился Анселл, и глазки у него заблестели. – С вашими фокусами, вашей внешностью и щепоткой блефа вам это ничего не стоит.

Меня словно подкинуло.

– Где, вы говорите, эта деревня?

– В десяти милях от Тепостлана.

В голове у меня забрезжила одна мыслишка, но, чтобы додумать ее до конца, требовалось время.

– Слушайте, док, можно нам с мисс Шамвей потолковать без свидетелей? По моему мнению, из вашего замысла можно сделать потрясающий репортаж. Если удастся заполучить это чудо-снадобье, то реклама вам гарантирована, только мне нужно кое с чем разобраться.

– Даю вам полчаса, – сказал Анселл, вставая. – Вы ведь не сбежите?

– Не сойдем с места, – заверил я его.

– Эй! – возмутилась Мира. – Ты на чьей стороне?

Я ухмыльнулся:

– Угомонись хотя бы на минуту, а?

Богл тоже встал – после того как Анселл потряс его за плечо.

– Потолковать! – угрюмо буркнул он. – Только это и умеем. Мы зачем сюда приперлись? Пересчитать зубы этой крале. А вместо этого сели в кружок и давай болтать! Теперь еще того чище: *мы* должны выйти за дверь, чтобы *они* тут болтали без нас. Сколько можно! Мы когда-нибудь займемся делом в этой треклятой дыре или так и будем толочь воду в ступе?

– Веселей, дружок, – подмигнул я ему. – У тебя весь лоб в морщинах, скоро шляпу придется накручивать, как гайку на винт.

Он свирепо зыркнул на меня, повернулся на каблуках и пошел вслед за Анселлом. Они пересекли площадь и скрылись в пивной на углу.

– Такова жизнь, – философски заметил я и на всякий случай поглубже вжался в кресло. – Никогда не знаешь, как повернется. Могла ли ты мечтать превратиться в Деву Солнца?

Мира ответила мне непечатным словом.

¹⁰ В переводе с языка науатль «Белая женщина»; вулкан, третья по высоте вершина Мексики, связанная с легендами и поверьями ацтеков.

Глава пятая

В общем, я ее уломал. Не сразу, поскольку переупрямить ее ох как непросто!

Знаете, некоторым мужчинам нравятся волевые, целеустремленные женщины, – дескать, с ними, по крайней мере, все понятно. Но у меня с такими разговор короткий: вот тебе упаковка козинака, иди и грызи. Когда девушка твердо знает, чего хочет, она всегда на один скачок впереди, и это чревато тяжелыми последствиями. Потому что, если ты хочешь исподволь втянуть ее в свою игру, тебе необходимо прыгнуть в два раза дальше – эдак недолго и пупок надорвать. Как бы то ни было, я ее окрутил. Остальное не имеет значения. Мне удалось убедить ее в том, что пара дней работы на Анселла избавит ее от тюремного срока и, возможно, позволит сорвать приличный куш. Зачем вдаваться в подробности? Главное – результат. Мне было о чем подумать и чем заняться, но вам это неинтересно. Важно ведь, что из этого вышло, а не как я это провернул. Если коротко, мы договорились остаться вчетвером в гостинице. Место не хуже других, и, пока мы не выработали четкого плана действий, совершенно незачем было кататься по округе, как горошинам по тарелке. Мы сняли номера и устроились. Закрыв за собой дверь, я схватился за телефон и попросил соединить меня с Мэддоксом. Едва он услышал, что я нашел девицу, его чуть удар не хватил. Судя по всему, он далеко не был уверен во мне и пока не особо задумывался о деталях газетной истории. Но на одном он стоял твердо: ее должны похитить бандиты, уж очень соблазнительно было поведать миру о том, как тридцать головорезов вламываются в гостиницу и увозят красотку неведомо куда.

Я изложил ему свои соображения, и опасность инсульта миновала: мне казалось, я *слышал*, как с каждой минутой давление в его кровеносных сосудах понижается. Под конец он сказал, что я молодец – так бы и расцеловал меня!

Моя идея заключалась в следующем. Я отвезу девушку в Тепостлан и соберу материал про бальзам от змеиных укусов. Это само по себе уже сенсация. По дороге из Тепостлана Миру похитит шайка проходимцев. Одного я хорошо знал, он жил в горах неподалеку и за пару сотен легко обтяпал бы это дельце. От меня требовалось только сделать несколько снимков, а после инсценировать ее спасение. Дальше совсем просто.

На всю операцию по плану отводилась неделя. Мэддокс пришел в восторг. Новость о чудодейственном эликсире так его взбудоражила, что он высказал пожелание вложиться в это предприятие. Я не стал его отговаривать, но про себя подумал, что, если дело и вправду выгорит, я лучше сам войду в долю. Пользуясь случаем, я выжал из него согласие компенсировать мне все разумные накладные расходы – разумные в моем понимании, не в его, – и повесил трубку. С этим разобрались.

Затем я позвонил Полу Джудену и вкратце пересказал свой разговор с Мэддоксом. После чего сообщил, куда переправить мои вещи, истребовал денег и поинтересовался, доволен ли он няней. Он пообещал выполнить все мои просьбы и сказал, что треп про няню – просто шутка. Он же знал, что я знаком с его женой.

Покончив с неотложными делами, я подумал, что мне не мешало бы поговорить с Мирой по душам. Узнать ее поближе, упрочить нашу дружбу и заодно проверить, так ли она непреклонна, как кажется. Я вышел в коридор и заглянул к ней в номер – ее там не было.

Обнаружил я ее внизу, в тени банана: она копалась во внутренностях своего «кадиллака». Услышав мои шаги, Мира оглянулась и закрыла капот.

– Хватит работать, – сказал я. – Видала, какие тут горы? Давай съездим посмотрим на них вблизи. Только представь: красотища, простор, вольный ветер бьет в лицо... Где еще почувствуешь себя человеком с большой буквы?

Она скептически посмотрела на меня, но, должно быть, что-то в моих словах подействовало на ее воображение, и она без слов села в машину. Я устроился рядом, мы мягко затряслись по булыжной мостовой через площадь и выехали на шоссе.

Мы ни словом не перемолвились, пока не добрались до горной дороги, а когда начали петлями взбираться наверх, с тихим шелестом скользя по краю обрыва, Мира вдруг сказала:

– Могли бы вот так ехать и ехать и ни о чем не беспокоиться... А надоест ехать вместе, скажем друг другу «до свидания» – тогда и вовсе беспокоиться будет не о чем.

– И мир навсегда останется без противоядия, и нам будет стыдно!

– Надеюсь, ты не поверил в эти байки?

– Почему? Поверил, – ответил я. – И, кроме того, ты же обещала подыграть старику Анселлу.

– Надо же, газетчик заговорил об обещаниях. Смешно!

Я внимательно посмотрел на нее:

– Задумала обвести доверчивого старичка вокруг пальца?

– Меньше всего я думаю о нем, – сообщила она, сбрасывая скорость: мы проезжали вытянувшиеся в ряд старые, обшарпанные дома и лотки под тряпичными навесами. – Никто не смеет указывать мне, как жить. Я просто сказала, что мы могли бы ехать и ехать и не возвращаться.

Поселок остался позади, и «кадиллак» снова начал карабкаться вверх. Я понятия не имел, как называется это место, да и знать не хотел. Мы приближались к лесистым склонам, с каждой милей следов человеческого пребывания становилось все меньше. Редкие индейцы, трусившие взад-вперед на своих осликах, и те почти исчезли. Внезапно Мира затормозила, свернула с дороги и остановилась в тени деревьев на краю леса.

– Выйдем? – предложила она.

Вслед за ней я вылез из машины и растянулся на сухой порыжелой траве. Она подняла голову к пронзительно-голубому небу и слепящему солнцу, зажмурилась и тихо вздохнула, млея от блаженства.

А меня охватило странное волнение. Не знаю, как это объяснить, но от ее сверкающих, отливающих металлом волос, белой колонны горла, изгиба фигуры под кроваво-красной блузкой, от ее маленьких изящных рук с тонкими пальцами, отважной линии рта и упрямого подбородка со мной что-то приключилось. Я поневоле начал перебирать в памяти разных женщин, чтобы найти хотя бы одну, способную сравниться с этой юной красоткой. Перед моим внутренним взором проплывали бледные тени – и никто, никто из них ей в подметки не годился!

– Знаешь, сестренка... – начал я.

– Минуточку, – прервала она, – ты не можешь обойтись без «сестренки»? У меня есть имя. Мира Шамвей. Мы с тобой знакомы. Припоминаешь?

– Уж лучше ты была бы мне сестрой, – угрюмо заметил я.

– Ох уж эти крутые парни, у вас только одно на уме! Не мытьем, так катаньем подчинить себе. По-другому вы с женщинами обращаться не умеете.

– А как еще с вами обращаться, если вы без конца угощаете нас то жгучим словцом, то холодным душем? – ухмыльнулся я. – И, кроме того, умение подчинять приближает к цели.

– Только не со мной, – заявила она и, внезапно повернувшись, оказалась совсем близко. – Оставь свое умение при себе. Я не желаю играть в эти игры.

Я подумал: «Знала бы ты, радость моя, какую роль я сочинил для тебя, уже метала бы громы и молнии». Но вслух сказал, небрежно пожав плечами:

– Давай не будем начинать все сначала. Пройдет какая-нибудь неделя – и сама скажешь мне спасибо. Ты ведь не боишься встречи с этим, как его, Куинном?

– Я еще не встречала двуногого, который...

– Помню, помню, ты мне уже говорила.

– Но все равно это безумие, – продолжила она. – На словах-то легко, а на деле... Чистое безумие! Я же не знаю их языка. Они сразу поймут, что я самозванка.

– Доверься доку. Он все продумал. Чего тебе волноваться?

Она порылась в сумочке и вынула колоду карт.

– В тебе что-то есть, – сказала она, тасуя карты: мне показалось, будто перед глазами мелькнула радужная дуга. – Только что?

– Когда я был маленький, – объяснил я, приподнявшись на локте, – мама натирала меня медвежьим жиром. Вот откуда у меня характер и сила духа.

Она протянула руку и достала из моего нагрудного кармана четырех тузов.

– По-твоему, я серьезная девушка?

Я смотрел, как карты порхают в ее тонких пальцах.

– Ага, – сказал я, и у меня отчего-то сжалось горло. – Мало того, по-моему, ты девушка необыкновенная.

Она с интересом взглянула на меня:

– Правда?

– Мгм, ну да. И прежде чем мы распрощаемся, нам предстоит узнать друг друга ближе, намного ближе.

Она наклонилась ко мне и выудила у меня из-под манжеты короля пик. Я вдохнул запах ее волос. Так пахла душистая сирень в приусадебном саду, когда я однажды гостил летом в Англии.

– Ты думаешь?

Я поймал ее за руку и притянул к себе. Она не сопротивлялась.

– Думаю, – ответил я, и моя рука скользнула ей за спину. – Намного ближе.

Мы лежали, обнявшись, и я видел отражение облаков в ее глазах.

– Думаешь, тебе понравится? – спросила она, почти касаясь губами моих губ.

– Наверное... пока не знаю. – И я жадно приник к ее рту.

Она лежала неподвижно. Мне хотелось, чтобы она закрыла глаза и расслабилась, но нет. Я чувствовал, как напряжены мышцы ее спины. Чувствовал губами ее твердые, по-детски сжатые губы.

Она не пыталась меня оттолкнуть, но целовать ее было все равно что целовать тыльную сторону собственной ладони. Я разжал руки и снова откинулся назад, опершись на локоть.

– Ладно, забудь.

Она немного отодвинулась от меня. Дотронулась пальцами до своих губ.

– Мне показалось или ты вкладывал в это какой-то особый смысл? – спросила она, поджав под себя ноги и оправляя юбку.

– Не показалось, – ответил я. – И что с того? Иногда все идет как по маслу, но это не наш случай. Главное – не торопить события в таких делах.

– Нет, – серьезно возразила она, пристально глядя мне в лицо. – Главное – не допускать таких дел.

И я призадумался. Действительно, что на меня нашло? Чего я добиваюсь? У меня ответственное задание с реальной перспективой отхватить 25 000 долларов. А я, рискуя профукать свой шанс, вздумал тискать девчонку, которая нужна мне как прошлогодний налоговый вычет. Все из-за ее волос. Я же говорю, блондинки – моя слабость.

– Ну что, тебе уже не хочется узнать меня ближе – намного ближе? – допытывалась она, не спуская с меня пристального взгляда.

– Там видно будет, – не сдавался я. – Попытка не пытка. Помню, была у меня одна рыжая из Нового Орлеана... Я тебе не рассказывал?

– Нет, и не надо, – отмахнулась она, поднимаясь с земли. – Могу себе представить.

– Это вряд ли, – усомнился я, испытующе глядя на нее. – Фигурка – как песочные часы. Ух!.. С такой каждая минута на вес золота.

Она медленно пошла в сторону «кадиллака».

– Так ты не хочешь мне помочь? Несмотря на то, что я была с тобой чрезвычайно мила?

– Да в чем дело? – Я тоже поднялся и нагнал ее. – С утра тебя вроде бы все устраивало.

– А теперь, – сказала она, садясь за руль, – я в этой затее полностью разочаровалась.

– Не надо рубить с плеча, – предостерег я ее, чувствуя, как от пыльной дороги на меня дохнуло жаром. – Смотри на вещи шире!

– В чем твоя выгода? – спросила она и завела мотор. – Тебе явно не все равно, иначе ты не стал бы так давить на меня.

– Репортаж! – объяснил я. – Будь ты на моем месте, девочка, ты поняла бы, что это значит. Это сенсация, это слава, это моя фотография на первой полосе!

– А ты никогда не думал о тех, кто заворачивает в твою газету кусок сырого мяса? – поинтересовалась она, медленно сдавая назад, к дороге.

– Ну зачем же так, – поморщился я. – Циничные выпады губят твой романтический образ. Она немного прибавила скорость, и мы начали спускаться по крутому серпантину.

Впереди уже маячил горный поселок, мимо которого мы проехали на подъеме.

– Давай остановимся, выпьем пива, – предложил я. – В горле пересохло.

Мы въехали на булыжную мостовую, миновали живописную группу цветочниц-индианок, протягивавших нам пестрые букеты, и затормозили возле маленькой пивной. Перед входом под ярким тентом стоял длинный чугунный стол со скамьей. Из дверей несло пивом и потом.

– Внутри не пойдем, – сказал я, усаживаясь за стол под навесом. – Там дышать нечем, прямо как у нас в редакции.

Она села рядом, сняла широкополую соломенную шляпу и бережно положила ее на стол.

Пожилый щуплый мексиканец вышел из пивной и поклонился. В его глазах мне почудилась тревога, – должно быть, у бедняги неприятности, подумал я. Приняв заказ, он молча удалился.

– У этого малого такой вид, будто на него давит не только собственная шляпа, – сказал я, расстегивая пиджак и незаметно отлепляя от тела рубашку.

– Все они одним миром мазаны, – равнодушно заметила моя спутница. – Их главная забота – угадать, куда прыгнет блоха. Когда-то я их жалела, потом перестала... – Она осеклась, и ее глаза расширились. Она сидела вполборота ко мне и, вероятно, увидела позади меня что-то необычное.

Я оглянулся. Вход в бар заслоняла фигура толстяка. Да какого! Ничего подобного я в жизни своей не видывал. Он был не просто толст, он был огромен – дюймов на семь больше шести футов¹¹. На голове соломенное сомбреро, могучие плечи укрыты сарапе¹², однако, помимо этих традиционных атрибутов, я успел заметить добротный черный костюм и мягкие ковбойские сапоги с серебряной отделкой.

Гигант стоял, прислонившись к дверному косяку, с толстых губ свисала сигарета, черные глаза неподвижно смотрели на Миру.

Его глаза особенно поразили меня – непроницаемые, как у змеи. Этот тип определенно мне не нравился. В том, что он не здешний, я ни секунды не сомневался, в деревенском захолустье такие не водятся. Он откровенно пялился на Миру, и от его самоуверенной наглости мне сделалось не по себе.

¹¹ Т. е. двухметрового роста (201 см).

¹² *Sarape* – мексиканская мужская шаль (плед), часто с бахромой на концах.

– Каков красавчик, а? – бросила мне Мира. – Не может быть, чтобы это был один человек. Спорим, что у его мамыши родилась двойня? Наверно, сунула мальцов в горячую ванну, а после не смогла разлепить?

– Послушай, куколка, – сказал я приглушенно, – побереги свое остроумие для меня, ладно? Этот типус его не оценит.

Человек-гора вынул сигарету изо рта и щелчком отправил ее в мою сторону. Она упала на стол между мной и Мирой.

Если бы кто другой выкинул подобный номер, я бы не раздумывая надавал ему по ушам, но из странного суеверия мне претит задирать того, кто вдвое здоровее меня. Я уже говорил вам об этом. Ну а если мужик здоровее меня *втрое*, я стерплю от него почти что угодно, прежде чем решусь ответить.

Мира всячески подстрекала меня ввязаться в драку. Таковы женщины. Им кажется, что вступить в неравный бой – значит доказать свою доблесть.

– Слабо ткнуть его в жирное пузо? – спросила она.

Возможно, великан не понимал никакого языка, кроме родного, но поди знай! В наше время образованных пруд пруди, и среди них попадаются такие, на кого сроду не подумаешь.

– Чего ты добиваешься? – сказал я шепотом. – Чтобы я поскорее совершил самоубийство?

– Лучше сидеть и смотреть, как этот жиртрест меня оскорбляет? – возмутилась она, сверкнув глазами. – Ты что, не видишь? – И она показала на окурок, дымившийся возле ее руки.

– Всего-то? Пустяки, чистая случайность. Никто не хотел тебя оскорбить. Успокойся. Из-за мнительных дамочек в мире вспыхивают революции.

Тощий мексиканец опасливо протиснулся мимо толстяка, словно тот был не человек из плоти и крови, а смертоносная боевая машина вроде «черной вдовы»¹³, подал нам пиво и вновь шмыгнул внутрь.

Толстяк опять закурил, пару раз пыхнул, вынул сигарету изо рта и щелчком направил ее к нам. Пока сигарета описывала в воздухе дугу, я поспешно накрыл рукой свою кружку, но сигарета спикировала в кружку Миры. Прежде чем она успела пикнуть, я быстро поменял кружки местами.

– Вот, пей на здоровье, сладкая моя, только не надо поднимать шум!

Выражение ее лица меня испугало. Она побледнела, глаза вспыхнули, как у кошки в темноте.

Внезапно толстяк расхохотался высоким, режущим слух смехом – как будто ложкой били по пустой кастрюле. Бока его затряслись, усы-ниточки подпрыгнули вверх.

– У сеньора в жилах молоко, – изрек он, хлопнув себя по жирным ляжкам с таким видом, словно его осчастливили.

У меня мелькнула мысль дать-таки ему в сальную рожу, но что-то меня остановило. В здешних краях я давно не новичок и на громил всех мастей насмотрелся вдоволь, но этот экземпляр был совсем другой породы. Его могла бы убедить только пуля, а револьвера я с собой не захватил.

Вот что меня остановило – меня, но не Миру. Она одарила его взглядом, который приструнил бы и отбившегося от табуна жеребца.

– А не пошел бы ты искупаться в озере – или сразу в двух, если одного для такой туши мало!

В повисшей тишине можно было бы услышать, как перышко опустилось на землю.

¹³ Имеется в виду американский тяжелый ночной истребитель времен Второй мировой войны (Northrop P-61 Black Widow).

Жиртрест перестал смеяться.

– У тебя слишком большой рот, крольчонок, – произнес он. – Доведет тебя до беды.

О боже! Он не шутил.

– Уйди с солнца, толстушка, – посоветовала ему Мира, – пока кумпол не расплавился.

Сходи проветрись, короча, скройся – смойся – сгинь!

Мексиканец сунул руку под сарапе – сейчас вынет пушку, подумал я и поспешил его опередить:

– Спокойно, приятель, все в порядке, мы уже уходим.

Но он на меня даже не взглянул. Ни с того ни с сего он вдруг застыл, словно гранитная глыба, а глаза выскочили у него из башки, как две поганки на длинных ножках.

Я посмотрел на Миру. Ее руки лежали на столе, и между сложенными лодочкой ладонями высовывалась треугольная голова маленькой зеленой змейки. Она быстро двигалась вперед-назад, молниеносно выбрасывая раздвоенный язык и снова втягивая его обратно. От этой картины у меня мурашки забегали по спине. Мира слегка развела руки в стороны, и змея вмиг исчезла... И вот уже Мира приветливо улыбается толстяку, как старому знакомому.

Видели бы вы этого героя! Все его бахвальство, злобу и наглость как ветром сдуло, за какую-то минуту он изменился до неузнаваемости. Закрыв рукой глаза, он обескураженно качал головой. По-видимому, изо всех сил пытался собраться – и не мог.

– С первого раза до тебя не доходит? – спросила Мира. – Вали отсюда. Не порти воздух.

Тощий мексиканец с перекошенным лицом выскочил из бара и что-то быстро сказал здоровяку, показывая на дорогу. Тот бросил взгляд в направлении трясущегося пальца, потом – с угрозой – на нас.

– Мы еще встретимся, – пообещал он. – Особенно жду встречи с сеньоритой. У нее слишком большой рот. Надо засунуть ей в рот шершня, а губы зашить. – И он поспешно скрылся в баре, оставив тощего мексиканца одного следить за стремительно приближавшимся по дороге облаком пыли.

Я расстегнул воротник.

– Слыхала про шершня?.. А ты тоже хороша, нашла с кем балагурить!

Она невозмутимо взяла со стола свою шляпу.

– Да ладно! Он перетрусил – пожелтел как канарейка.

– Это факт. И поет – заслушаешься! – добавил я. – Пойдем, нам тоже пора валить отсюда.

Не нравится мне это облако, боюсь, накроет нас.

Не успели мы дойти до машины, как галопом подскакал отряд конной федеральной полиции. Коротышка с лицом цвета несвежего сливочного сыра натянул узду и спрыгнул на землю. Судя по запыленной форме, это был офицер. Он нервно озирался кругом, словно охотник, потерявший след.

Я поздоровался и машинально полез за документами. Но мои бумаги его не интересовали. Он спросил, не видали ли мы поблизости очень рослого и толстого мужчину.

Мира открыла было рот, но я шагнул вперед и локтем ткнул ее под ребра. Она прикусила язык.

– Мы никого похожего не встречали, – сказал я. – Но может быть, другие видели. Вы спрашивали?

Офицер досадливо сплюнул.

– Говорят, он был здесь. Минут пять назад, – ответил он, теребя рукоять револьвера.

– За пять минут многое может случиться, – заметил я. – Наверное, он времени зря не терял. А кто он такой?

Но офицер уже шел к тощему пожилому мексиканцу. Я подтолкнул Миру к машине и сам тоже поскорее забрался внутрь. Когда в воздухе пахнет жареным, надо поскорее сматываться.

Мира снова обрела дар речи:

– Почему ты не сказал ему? Струсил? Боишься схлопотать от жирного?

– Трусость тут ни при чем, – сказал я, включив зажигание и выжав педаль сцепления. – Просто я не вчера приехал в эту страну и давно усвоил, что здесь лучше ни с кем не связываться и ни во что не вмешиваться. До сих пор такая тактика меня выручала, и я не намерен от нее отступать. – Я поддал газу и погнал назад в Орисабу.

На Миру напал смех:

– Нет, ты видел его лицо, когда я проделала трюк со змеей?

– Видел, – без улыбки ответил я. – И слышал его обещание угостить тебя шершнем.

– Ну и? Ты же не думаешь, что он всерьез?

– Я не думаю – я знаю. Такие типы слов на ветер не бросают. Он сдержит свое обещание и даже не поморщится. Так что, если нам суждено еще встретиться, я сперва всажу в него пулю, а уж после принесу извинения.

Кажется, мой прогноз ее ошеломил, и всю дорогу до гостиницы мы проехали молча.

Богл сидел на веранде и потягивал пиво. Заметив нас на ступеньках, он помахал нам рукой.

– Где вас носило? Док с ума сходит. Решил, что вы сбежали.

– Привет, Сэмюэл. Ты бы пересел в тени, чтобы голову не пекло, – на ходу сказала ему Мира и скрылась в гостинице.

Богл проводил ее взглядом.

– Рано или поздно она договорится, – мрачно предрек он. – Блондинки, они такие, с ними нужен глаз да глаз... Хотя у меня была одна, волосы точно как у твоей, а ворковала как голубка. Слышал бы ты ее! Каких только ласковых слов для меня не напридумывала! Представляешь?

Чего я до этой минуты точно не представлял – что под воловьей шкурой Богла бьется сентиментальная жилка.

– Избавь меня от подробностей твоей интимной жизни, – сказал я с ухмылкой. – И забудь про нежные прозвища, тебе от них никакого проку. А где сейчас док?

– Пошел шамать. Я вроде бы не голодный, но надо, наверно, чего-нибудь в себя закинуть.

– Давай вместе, – предложил я. – Одному как-то скучно.

Богл накупился.

– Не-а, по мне, лучше одному, чем с хахалем языкастой блондинки, – наконец изрек он. – Иди, я потом. Уж поест, так с удовольствием.

– Ну как знаешь.

Я хотел пройти в гостиницу, но в этот момент на веранду неслышно поднялся мальчишка-индеец – маленький, чумазый, в грязной белой рубашке и драных штанах. В одной руке он крепко сжимал деревянный ящичек. Его глаза смерили Богла оценивающим взглядом. Тот ослабил:

– Здорово, сынок. Зашел потолковать с Дядюшкой Сэмом?

Оборванец задумчиво смотрел на него, склонив голову набок и робко переступая босыми ногами по дощатому настилу.

Богл взглянул на меня.

– Люблю детишек, – сказал он простодушно, ковыряясь ногтем в зубах. – Хорош малец, а?

Мальчишка приблизился к нему еще на несколько шажков.

– Чистим, Джонни? – с надеждой в голосе спросил он.

– Да ты не бойся, – подбодрил его Богл, не то умильно, не то плотоядно улыбаясь. – Иди сюда и все расскажи Дяде Сэму.

Пацан еще робел, но все-таки поставил ящичек на пол и повторил:

– Чистим, Джонни?

Богл выпучил глаза:

– Что значит... чистим?

– Он хочет почистить твои штiblеты, тупица, – ухмыльнулся я. – Он уже вырос из поучительных историй Дяди Сэмюэла для несмышленишек.

Богл был разочарован:

– Вот те на! Я думал, малышу не с кем поговорить.

– Чистим, Джонни? – снова завел свою песню мальчишка.

– Заклинило его, что ли? – проворчал Богл, но, заметив, что маленький оборвыш того и гляди даст деру, по-королевски взмахнул рукой. – Так и быть, сынок, на! – Он вытянул вперед слоновою ножищу.

Мальчишка шлепнулся перед ним на пол и начал проворно подворачивать штанину.

– Ладно, счастливо оставаться, я проголодался, – объявил я. – Скажу, чтобы тебе оставили чего-нибудь поесть.

– Сколько ему дать-то? – спросил Богл, глядя, как мальчишка орудует щетками.

– Да сколько хочешь, – ответил я, – оборванцам выбирать не приходится.

Еще один малец – в грязной красной рубашке – бочком поднялся по ступеням. Он быстро взглянул на Богла и стремглав кинулся к нему, отпихнув Белую Рубашку.

Богл слегка обалдел.

– Ты что ж это делаешь? – возмутился он, в то время как Красный уже деловито вынимал из своего ящичка ваксу и щетки.

– Жесткая конкуренция, – объяснил я. Предвкушая забавное зрелище, я прислонился спиной к стене и приготовился смотреть. Из собственного опыта мне было известно, что этой мелкоте дай палец – без руки останешься.

Но Богл сиял как масляный блин.

– Говорю тебе – детишки ко мне тянутся. Передрались готовы за меня.

Он не преувеличивал. Белорубашечник опомнился от удивления, вцепился конкуренту в горло и начал душисть.

Такого Богл не ожидал. Он растащил драчунов в стороны и хорошенько встряхнул, держа за шкурку одного в правой, другого в левой ручище.

– Эй! Ведите себя прилично. Предупреждаю обоих...

Красный извернулся, чтобы двинуть ногой Белого, но удар – и не слабый! – пришелся по голени Богла. Тот инстинктивно разжал кулаки и, охнув от боли, схватился за ногу.

Мальчишки сплелись в клубок и покатались по веранде.

– Ну и ну! – изумленно выдохнул Богл. – Ты не можешь их утихомирить?

– Меня в свои дела не впутывай, – сказал я, с интересом наблюдая за бесятами. – Я здесь только в качестве летописца.

Богл встал со стула и в конце концов разнял их.

– А ну, щыц оба! Без драк! – рявкнул он. – Так, спокойно, каждому по туфле – идет?

Ни один не понял, что он сказал, но оба притихли и вперили в него блестящие настороженные глазенки.

Богл остался доволен результатом.

– Видал? – сказал он, снова садясь на место. – Я знаю подход к детям. С ними всегда можно договориться по-хорошему.

Едва он опустил зад на сиденье, мальчишки наперегонки кинулись к нему и разом вцепились в его правую туфлю. Пихаясь локтями и кулаками, они принялись с остервенением отнимать друг у друга его ногу. Чтобы не сползти со стула, Боглу пришлось буквально повиснуть на столе. Глаза у него чуть не выкатились из орбит. А детишки знай себе дергали, рвали, трепали его несчастную ногу, как два молодых бультерьера.

– Ну же, Сэм, договорись с ними по-хорошему, – простонал я, слабея от смеха.

Кончилось тем, что Богл отхлестал их шляпой, и они на шаг отступили, тяжело переводя дух. Если бы он вдруг превратился в сочную свиную отбивную с папилюткой на косточке, то и тогда в их глазах навряд ли могло быть больше живой заинтересованности.

Едва они попытались вновь к нему приблизиться, он угрожающе поднял шляпу.

– Назад, шантрапа! – прикрикнул он и, перехватив мой взгляд, окрысился на меня: – А ты чего улыбишься? Скажи им, чтоб не нарывались!

Я подошел и объяснил мальчишкам, что каждый может почистить одну туфлю Богла и нечего драться.

Они переглянулись, однако, прежде чем приняться за дело, пожелали уточнить, как им заплатят – каждому за все или только за половину?

Я переадресовал вопрос Боглу.

– Да ну к лешему, – буркнул он, теряя терпение. – Скажи, пусть убираются. Я думал, дети как дети. А у них только барыш на уме. Раз так, ничего мне не надо.

– Эй, кто говорил, что любит детишек? – укорил я его. – Они могут обидеться.

Богл обмахнул лицо шляпой.

– Да? Я тоже могу обидеться, – злобно ответил он. – Они мне чуть ногу не сломали.

– Дело хозяйское, – сказал я, пожав плечами, и объяснил ребятам, что Богл передумал.

Когда до них дошло, они подняли такой вой, хоть уши затыкай.

Я сам уже готов был вытолкать их пинками.

– Видишь, что ты натворил?

– Слушай, убери их, а? – взмолился Богл. – Сейчас люди сбегутся.

И точно: на крик прибежали Мира и док Анселл.

– Что тут происходит? – спросил Анселл, с удивлением озираясь вокруг поверх солнцезащитных очков.

– Ничего, – процедил Богл. – Дети плачут, эка невидаль.

Мира посмотрела на него как на вошь.

– Так ты к тому же еще и детей обижаешь! Сила есть – ума не надо? – напустилась она на Богла. – Как тебе не стыдно!

Богл в изнеможении закрыл глаза.

– Опять она... – Он зловеще постукивал пальцами по столу. – Мне рта нельзя открыть – ты уже тут как тут со своей лекцией. Слушай, этим шкетам охота почистить мне туфли. Ну а мне неохота, ясно? Тебе обязательно нужно встревать?

Пацаны прекратили вой и с надеждой воззрились на Миру, угадав в ней заступницу.

– Ему, видите ли, неохота! – не унималась Мира. – Да ты посмотри на них! Ходячие скелеты.

Богл сунул палец за воротник и повертел шеей.

– Мне плевать. Неохота, и баста! – рассвирепев, гаркнул он. – Нужно будет, вычищу сам!

– Отговорки! – фыркнула Мира. – Да ты просто жадина. Не дал заработать ребятам пару монет. Вот если бы они вычистили твои башмаки задаром – тогда пожалуйста!

Богл схватил со стола оловянную пивную кружку и смял ее в руках.

– Я передумал, я уже хочу, чтобы мне почистили туфли! – прошипел он.

– Передумал? – повторила за ним Мира. – Как можно передумать, если не умеешь думать?

Богл машинально сжимал и разжимал пальцы. Мне показалось, что он на грани астматического приступа.

– Тише, тише, – вмешался Анселл. – Ну не хочет Богл чистить туфли, и не надо, тема исчерпана. Мы испугались, что здесь кого-то убивают. Идем, Мира, у нас еда на столе.

– Обманывая ожидания детей, ты можешь нанести им тяжелую травму, – тоном заботливой учительницы сказала Мира. – Неужели никто не рассказывал тебе о механизмах подавления и вытеснения?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.